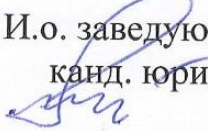

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовного права и процесса

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой
канд. юрид. наук, доцент

В.И. Морозов
05.12 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВА

40.04.01 направление подготовки Юриспруденция
Магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс»

Выполнил работу
студент 3 курса
заочной формы
обучения

Муслимов
Ренат
Русланович

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Иванова
Лилия
Викторовна

Рецензент
адвокат
Специализированного
филиала «Юрпрофи»
Коллегии адвокатов УрФО,
канд. юрид. наук

Комаров
Вячеслав
Борисович

Тюмень
2019

хулиганства : выпускная квалификационная работа магистра : 44.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс» / Р.Р. Муслимов ; науч. рук. Л. В. Иванова ; рец. В. Б. Комаров ; Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Кафедра уголовного права и процесса. – Тюмень, 2019. – 90 с.: – Библиогр. список: с. 79-90 (104 назв.).

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, юриспруденция, уголовное право, общественная безопасность, хулиганство

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО.....	9
1.1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО В РОССИИ	9
1.2. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА	16
ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА.....	26
2.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА	26
2.2 ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА	47
2.3 ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ И ОСОБО КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	79

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Хулиганство, как и ряд иных запрещенных уголовным законом деяний, совершаемых из хулиганских побуждений – преступление распространённое, дерзкое, выступающее по меткому выражению отечественных криминологов, в качестве «начальной школы» преступности, а потому – нуждающееся в пристальном внимании и дальнейшем научном анализе.

В отечественном и зарубежном законодательстве хулиганские действия с давних пор признаются преступными и уголовно наказуемыми. Ввиду изменения и усложнения общественных отношений нормы о хулиганстве периодически подвергаются законодательной правке. Из-за этого научные исследования, посвященные анализу хулиганских преступлений в той или иной редакции, теряют свою актуальность, появляется необходимость в изучении новых форм и видов хулиганства, доселе невозможных. Сегодня в их числе телефонное хулиганство, хулиганство в социальных сетях системы Интернет, или киберхулиганство.

Актуальность исследования уголовно-правовых признаков хулиганства вызвана множеством факторов, которые можно объединить в несколько групп.

В первую очередь, это устойчивая тенденция к совершению хулиганств в российском обществе. Согласно данным статистической отчетности МВД [74], в 2014 г. было совершено 4022 преступных хулиганства (что по сравнению с аналогичным периодом предыдущего периода (далее – АППГ) на 17,5%). В 2015 - 3318 хулиганств (- 17,85 к АППГ), в 2016 г. – 2597 хулиганств (- 21,7% к АППГ), в 2017 г. - 2190 хулиганств (- 15,7% к АППГ), в 2018 г. – 2091 хулиганство (- 4,5% к АППГ). За январь-сентябрь 2019 г. – уже совершено 1538 хулиганств (-0,1% к АППГ). Несмотря на количественное снижение хулиганских преступлений, в общей структуре преступности его положение остается стабильным и составляет ежегодно 0,1% от всех зарегистрированных преступлений. Кроме того, некоторое снижение числа данных преступлений

является результатом общей гуманизации уголовного закона, а также трансформацией самой структуры нормы о хулиганстве. Хотя, безусловно, уменьшение численного количества хулиганств за последние пять лет практически наполовину не может не внушать оптимизма.

Следующий фактор, обуславливающий значимость заявленной темы для исследования, связан с уже упомянутым существенным изменением нормы об уголовной ответственности за хулиганство. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. [3] (далее – УК РФ), в качестве таковой предусмотрел ст. 213, которая отличалась по многим признакам от ст. 206 ранее действовавшего Уголовного кодекса РСФСР 1960 года [12]. Однако и эта норма не осталась неизменной. К настоящему времени нормы ст. 213 УК РФ уже неоднократно редактировались законодателем; последние изменения произведены в 2017 году, когда анализируемый состав преступления был дополнен очередным дополнительным признаком [7]. Несмотря на стремление законодателя к совершенствованию уголовно-правовых норм, определение хулиганства, содержащееся в части первой ст. 213 УК РФ, не стало ни более чётким, ни менее противоречивым, и, кроме того, так же как и ранее, включает оценочные признаки, что обуславливает неоднозначность толкования и применения анализируемых положений закона.

Исследование хулиганства актуально еще и потому, что следственная и судебная практика обременены целым рядом трудностей и квалификационных ошибок, связанных с юридической оценкой уголовно наказуемого хулиганства. Эти ошибки, преимущественно, связаны с определением объекта хулиганских посягательств – отношения по охране личности или собственности, разграничением хулиганства как самостоятельного состава по ст. 213 УК РФ и иных деяний, содержащих квалифицированные и особо квалифицированные признаки в виде хулиганских действий.

Указанные и иные обстоятельства указывают на теоретическую и практическую значимость выбранной темы, которая продолжает нуждаться в

тщательном уголовно-правовом анализе и дальнейшем исследовании его уголовно-правовых аспектов.

Степень научной разработанности темы исследования. Поскольку тема хулиганства не нова для криминологов, ее исследованию посвящено достаточное количество научных трудов. Особо пристальное внимание уделялось хулиганству в 1960-1970-х годах, что, скорее всего, было вызвано, очередным всплеском данного вида преступного поведения. Уголовно-правовые и криминологические аспекты хулиганства в рассматриваемый период времени исследовали В.П. Власов, Л.Д. Гаухман, П.С. Дагель, П.И. Гришаев, И.Н. Даньшин, Н.И. Коржанский, Н.Ф. Кузнецова, Ю.И. Ляпунов, Ю.М. Ткачевский, И.М. Тяжкова, В.М. Чхиквадзе и иные авторы.

Современные исследователи также не обходят вниманием тему хулиганства, исследуя разные ее аспекты (Н.Г. Иванов, И.И. Косарев, Н.Н. Кемова, Н.Н. Колунтаева, В.Г. Павлов, А.В. Рагулин, И.Н. Фомичева, В.Л. Шинкарук и другие).

Несмотря на большое количество монографической и иной научной литературы по теме исследования, обозначенная тема продолжает оставаться актуальной в связи с тем, что после изменений ст. 213 УК РФ в 2017 г. каких-либо серьезных научных трудов опубликовано не было. Соответственно, современная редакция состава хулиганства продолжает оставаться не до конца изученной. Более того, отдельные аспекты темы продолжают оставаться неоднозначно истолкованными, дискуссионными, а другие – нуждаются в разработке новых подходов к решению практических задач борьбы с хулиганством. На фоне постоянного усовершенствования способов и методов совершения хулиганских деяний актуальность данной темы сомнений не вызывает.

Объектом исследования выступает сфера общественных отношений, в рамках которых совершается хулиганское деяние, и реализуются уголовно-правовые нормы об ответственности за данное преступление.

Предмет исследования составляют уголовно-правовые аспекты хулиганства, включая отечественное законодательство об ответственности за данное преступление, научные труды по данной проблеме, а также практические разработки, посвященные проблемам квалификации данного деяния.

Целью исследования является определение уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- исследовать ретроспективный анализ состава хулиганства;
- рассмотреть понятие и уголовно-правовые особенности хулиганства;
- раскрыть объективные и субъективные признаки хулиганства;
- провести юридический анализ квалифицированных и особо квалифицированных составов хулиганства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания. Общенаучными явились общелогические (анализ, синтез), сравнительный, системный, исторический методы. Среди частных использовались формально-юридический метод и, метод анализа философской и юридической литературы (документальный метод).

Научная новизна исследования заключается в анализе актуальной редакции ст. 213 УК РФ и в раскрытии содержания таких положений состава, как влияние места, обстановки и способов применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, на квалификацию деяния; характеристика новых предусмотренных законом форм проявления хулиганства; исследование квалифицированных и особо квалифицированных признаков данного состава преступления, а также в предлагаемых рекомендациях по совершенствованию ст. 213 УК РФ с учетом современных реалий.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных авторов, как классиков уголовного права, так и современных исследователей, посвятивших свои работы проблемам уголовного хулиганства и отдельным его аспектам.

Нормативную основу исследования составляют нормы Конституции РФ, уголовного законодательства дореволюционного, советского периодов и современного УК РФ 1996 г. в актуальной редакции, федеральное законодательство о полиции, об оружии, а также нормы Модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ как типового уголовного закона.

Эмпирическую основу исследования составили положения разъяснений пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам хулиганства, использования оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также материалы судов общей юрисдикции, посвященные вопросам хулиганства, полученные с их официальных сайтов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее положения могут использоваться в учебном процессе высших учебных заведений в преподавании проблем уголовного права, а также служить базой для написания последующих трудов в сфере обозначенной проблематики.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные предложения по совершенствованию уголовного закона могут использоваться в работе законодательных органов власти при разработке законопроектов о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, а также судебно-следственной практике при решении вопросов квалификации хулиганств.

Апробация работы. Основные положения и выводы настоящего исследования были отражены в следующей работе:

Муслумов Р.Р. Проблемы определения субъекта хулиганских действий / Р.Р. Муслумов // Молодой ученый. – № 36 (222). – 2018. – С. (30-32).

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения; двух глав, включающих пять параграфов; заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО

1.1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО В РОССИИ

История появления термина и уголовно-правового регулирования хулиганства берет свое начало в 1892 г., когда оно впервые нашло свое официальное закрепление в виде вынесенного градоначальником Петербурга фон Валем требования, которым полицейским предписывалось осуществить комплекс мер по усмирению буйствующих в столице «хулиганов». Этот термин означал «уличных бездельников, забавляющихся издевательствами над горожанами». Несмотря на точность и самодостаточность данного понятия, оно далеко не сразу закрепилось в разговорном и научном обороте. Спустя почти два десятка лет оно было включено в энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона (1909) и начало применяться в криминальных сводках средств массовой информации. Что касается этимологии данного слова, то, вероятнее всего, оно имеет британское происхождение: по имени Патрика Хулигена, с соответствующим хулиганским поведением либо по названию банды, промышлявшей в Лондоне [27, с. 73].

Понятие «хулиганство» было новым, но действия, которые оно характеризовало, были известны и ранее. В дореволюционной России такие неприглядные действия обозначали терминами «озорство», «проказы» и «бесчинство», и не всегда носили откровенно неодобряемого поведения. Как правило, хулиганства сопровождали или вытекали из различных забав русского народа на определенной стадии таких увеселений. Так, например, в качестве одного из любимых развлечений на Руси традиционно выступало «озорство», что отражено в трудах летописцев и нормативных актах XVI – XVIII вв., а также в хрониках зарубежных гостей. Вполне миролюбивое гуляние и

празднование зачастую заканчивалось пьяной дракой. Поскольку праздники на Руси любили и отмечали с большим размахом, то и масштаб хулиганств тоже был значительным, сопровождался убийствами, утоплениями и увечьями. Не меньшее изумление вызывал у заезжих и тот факт, что все эти бесчинства в конце концов снова заканчивались миром и совместным распитием хмельных напитков [47, с. 248].

Как правило, такие мероприятия характерны были для зимнего сезона, когда крестьяне были не заняты в поле, а неизрасходованная энергия, озлобление от отсутствия постоянных занятий выливались в кулачные бои. Эффективность и незатратность такого способа снятия стресса и напряжения подавляющего большинства населения (крестьяне составляли до 90% в структуре общества) прекрасно осознавали органы власти и не вмешивались.

При острой необходимости споры конфликтующих разрешали посадские и сельские сходы. Наказание для озорников было формальным. Законодатель ограничивался лишь нормами рекомендательного характера. Так, единственным источником, содержащим незначительные меры наказания за «озорство», был «Домострой» (XVI век), призванный упреждать хулиганства: «Когда пригласят тебя на пир, не упивайся до страшного опьянения и не сиди допоздна, потому что во многом питии и в долгом сидении рождается брань и свара, и драка, а то и кровопролитие» [38, с. 832].

Если крестьяне хулиганили, пуская в ход собственную неумную энергию, то озорства бояр и помещиков имели другое содержание. Они натравливали собак или били палками, кольями прохожих, мазали горчицу на лицо крестьянам. Истории известны случаи, когда Грозный царь Иоанн развлекался тем, что сбрасывал на прохожих с крыши собак и кошек. Любил государь позабавиться и ездой на лошадях по городу, которая сопровождалась ударами копыт прохожих и разрушением торговых лавок.

Итак, в период правления Рюриковичей озорство не признавалось сколько либо преступным и даже негласно поощрялось властями. Особо буйным был расцвет хулиганства в период государственного кризиса, что

выразилось в смутном времени. Начало же правовому запрету и борьбе с бесчинствами было положено государем из новой династии – Алексеем Михайловичем, который в изданной грамоте 1648 года монарх обозначил проблему «позорищ», «богомерзких и скверных» поступков, драк и беснований [27, с. 75]. Вслед за этим вышел первый кодифицированный источник – Соборное уложение 1649 г., где преступным признавались «разбойные и татины дела». Преступники назывались лихими людьми, совершавшими свои поступки, чтобы позабавиться, а не ради какой-то выгоды. Мерами наказания для хулиганов 17 века были определены различные членовредительские – от отрезания ушей до смертной казни [73]. Затем Высочайшим указом 1686 г. преступными были признаны кулачные бои, которые в зависимости от повторяемости наказывались от битья батогами и штрафа до битья кнутом и вечной ссылки при третьем нарушении запрета [27, с. 73].

Вектор данной политики изменился с занятием царского трона Петром Великим. Юный царь любил буйные увеселения, поэтому поощрял озорничество и проказы, даже когда они заканчивались смертью и увечьями. Подобный подход был продолжен и при преемниках Петра I. Лишь случай 1756 года, когда бесчинства были устроены на глазах у австрийских послов, заставил Елизавету Петровну принять суровые меры – арестовать и бить розгами. А уже после этого императрица строго наказала полицейским чинам следить за тем, чтобы в присутствии иностранцев (в праздничные дни и по случаю торжеств) уличных драк и боев не было [62, с. 93]. Но этот запрет распространялся лишь на столичные города. По всей России кулачные бои продолжали проводиться вплоть до прихода к власти Павла I в 1796 г., который любил строгую дисциплину. Именно он ввел так называемый «комендантский час» и запретил шумные мероприятия. Нарушители (невзирая на сословие) подвергались телесным наказаниям [20, с. 287].

Полный запрет на кулачные бои, введенный Сводом законов 1832 г. Николая I» [9] просуществовал недолго. После отмены крепостного права в 1861 г. изменились быт, жизнь, мировоззрение людей, а понимание ими

свободы было не всегда адекватным. Свобода от крепостной зависимости понималась многими слоями населения как бесчинства, ругань, ссоры, драки и дебоширства [27, с. 76]. В совокупности с алкоголем и деятельностью революционных организаций такое поведение выливалось в массовые беспорядки. Насилие стало обычным способом решения жизненных проблем. В свою очередь, официальная власть, угрозу для которой представляли усиливающиеся революционеры, не готова была заниматься более мелкими проблемами вроде хулиганства.

Первая русская революция 1905 года вообще «развязала руки» хулиганам, которые, влекомые чувствами свободы и безнаказанности, совершали невиданные доселе бесчинства [47, с. 249], насупил настоящий разгул дебоша и хулиганства. Первым забеспокоились средства массовой информации. «Журнал министерства юстиции», являясь официальным правительственным органом, в 1913 году с тревогой описывал на своих страницах ужасы массовых безмотивных хулиганств, охвативших всю империю [27, с. 75].

Начавшаяся следом Первая мировая война только усугубила ситуацию. Вместо неорганизованных стихийных групп хулиганов появляются бандитские формирования, созданные по новым правилам [49, с. 276]. Отличиями этих группировок стали высокая организованность, иерархичность, символика, «общая касса», общие преступные цели. Такого рода хулиганские формирования причиняли вред имуществу, жизни и здоровью людей, общественному порядку и основам нравственности, транспортному сообщению и связи, государственной власти, окружающей среде, мучили животных [47, с. 277].

Именно в этот непростой для государства период в столице созывается собрание группы Международного союза криминалистов (1914), с рассмотрением вопроса о совершенствовании законодательства. Был рассмотрен вопрос о дополнении действующего Уголовного Уложения специальными терминами, включая «хулиганство», «озорство» и

«пакостничество». Однако ввиду исключительности рассматриваемых деяний было признано, что только лишь редактированием действующего законодательства в борьбе с хулиганством не обойтись. В той связи принято решение о разработке самостоятельного нормативно-правового акта по борьбе с рассматриваемым деянием. Однако события внешней политики, а затем и внутривнутриполитический кризис отодвинули на второй план данное предложение, которое так и осталось лишь инициативой.

Революционный 1917 год лишь добавил хулиганам дерзости. Они стали полноправными хозяевами, владыками, героями улиц [62, с. 92]. Новая советская власть начала бороться с хулиганскими действиями, но очень избирательно: карала лишь тех, кто нес в себе угрозу ее стабильности. Так, в одном из первых нормативных документах – Декрете СНК РСФСР «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 года [8, с. 25] хулиганство поставлено в один ряд с такими преступлениями, как погромы, взяточничество, подлог и шпионаж. Речь шла о широком, и достаточно размытом понимании хулиганских действий (грабежи, разбои, изнасилования) и их отождествлении с бандитизмом.

Разделение этих двух составов преступления произошло в 1922 году благодаря изданному ВЦИК циркуляру, где хулиганством признавались бесчинства, совершенные для дезорганизации власти или оскорбления политических и нравственных убеждений советских граждан. Признанные виновными хулиганы передавались революционному трибуналу. В 1923 г. состав хулиганства был дополнен главным признаком, который характеризует его сегодня, в виде «проявления неуважения к обществу».

Введение новой экономической политики, подразумевающей, прежде всего, определенную свободу в экономической сфере, неизбежно породило новый всплеск хулиганства, которое за четыре года (1923-1926) увеличилось в десятикратном размере [37, с. 7]. Это побудило власть вновь усиливать наказание. К тому времени уже вступил в силу Уголовный кодекс СССР, который фактически приравнял бесчинствующие на улицах шайки хулиганов к бандитским. Изменения коснулись и видов и размера наказания, которые также

ужесточились. Так, например, Череповецкий губсуд за поножовщину в пьяной драке и хулиганские выходки на улице приговорил одного человека к расстрелу, а двух других – к 10 годам лишения свободы [27, с. 78].

В 1930-е годы перед страной стояло множество неразрешимых внешнеполитических проблем, сосредоточиться на которых можно было лишь при поддержании неукоснительного и строгого порядка внутри ее. Этот период стал временем репрессий, в том числе и в отношении виновников хулиганских действий. Даже самое незначительное на фоне предыдущих бесчинств деяние – нецензурная брань в общественном месте, – каралась тюремным заключением сроком на один год. Наиболее часто применялось наказание для хулиганов в виде пятилетнего срока лишения свободы, сопровождающееся последующим запретом в течение 5 лет проживать в главных городах СССР. Верхняя же санкция была, по сути, безграничной. Данные дела слушались без предварительного расследования. Такие суровые меры не могли не дать результата. Устрашение подействовало. Население отреагировало. Поэтому уже к концу 1930-х годов хулиганов в советских городах практически не осталось.

Вторая мировая война отвлекла правительство от решения проблем обеспечения общественного порядка, и хулиганы ближе к середине 1940-х г.г. вновь активизировались. Причем, это не было связано с тяготами и лишениями военного времени. По-прежнему мотивы у хулиганов отсутствовали [37, с. 12]. Рост хулиганства усилился спустя десятилетие, когда после смерти Сталина была объявлена масштабная амнистия.

Новая власть в стремлении реформировать законодательство принимает новый Уголовный кодекс РСФСР 1960 года [12], где дает уже приближенное к современному понятие хулиганства в виде умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу. Состав хулиганства был осложнен квалифицирующими признаками. Так, в ст. 206 УК ответственность была установлена за простое хулиганство безотягчающих обстоятельств и повторное мелкое хулиганство (ч. 1); злостное хулиганство (ч. 2); особо злостное хулиганство (ч. 3) [42, с. 350].

На фоне всеобщего ослабления государственного режима хулиганство продолжало процветать. Власть в 1966 году сделала очередную попытку улучшения ситуации ужесточением законодательства. Согласно нормам указа Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», злостное совершение преступления предполагало длительные сроки тюремного заключения. Но в новых условиях старые способы не действовали. Хулиганы продолжали наводить страх на население, но ни власть в лице советской милиции, ни народные дружины не могли коренным образом переломить ситуации.

Нестабильные в политическом отношении 1990-е годы в очередной раз способствовали увеличению хулиганских деяний, которых регистрировалось более ста тысяч ежегодно. Их опасность состоит не только в том, что хулиганства посягают на общественный порядок, спокойствие и безопасность граждан, но и являются предпосылкой или первым этапом на пути к совершению более тяжких преступлений.

В современной России подход к уголовно-правовой политике, как и ко всей политико-правой системе, существенно изменился. Законодательство постепенно идет по пути гуманизации, что выражается в декриминализации отдельных деяний, которые более не считаются преступными. Еще в 1997 г. с начала действия нового УК РФ [3], подверглись пересмотру виды наказаний за мелкое хулиганство, которое из разряда уголовных перешло в плоскость административного права. К уголовной ответственности привлекались лишь лица, которые совершили хулиганство при отягчающих обстоятельствах. Далее в УК РФ неоднократно вносились изменения Федеративными законами (далее – ФЗ) РФ в 2003, 2007, 2011, 2014 и 2017 годах. В итоге хулиганство получило несколько отличное от предыдущих понятий определение. Оно получило следующее определение – грубое нарушение общественного порядка, что демонстрирует явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия, по идеологическим, политическим, расовым, национальным или религиозным мотивам на определенных объектах транспорта.

Итак, проведенный ретроспективный анализ показывает, что подход законодателя к развитию уголовно-правовых норм за хулиганство на протяжении длительного пути развития России характеризуется непостоянством. Периоды «послабления» сменялись ужесточением наказания для хулиганов и наоборот. И в разные периоды это давало различные результаты. Если 90 лет назад репрессивные меры позволили практически полностью побороть хулиганскую преступность, то сегодня при общей тенденции гуманизации уголовного закона, эта мера, скорее всего, уже будет неэффективной. Но тот путь, который избрал современный законодатель, и в основе которого лежат советские традиции, в целом, видится правильным. Ныне действующая редакция ст. УК РФ о хулиганстве не охватывает значительное число его общественно опасных проявлений, связанных, в первую очередь, с использованием современных достижений научно-технического прогресса, что требует внесения корректив в содержание статьи, касающихся способов нарушения общественного порядка, для более реальной защиты спокойствия граждан, их здоровья и телесной неприкосновенности от действий правонарушителей.

1.2. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА

В структуре отечественного уголовного закона положение хулиганства уже на протяжении многих десятилетий является одним из самых нестабильных. В разные периоды развития российского и советского уголовного законодательства хулиганство посягало на разные объекты правовой охраны, и потому относилось к различным видам преступлений.

В качестве самостоятельного состава преступления хулиганство, впервые появившись в УК РСФСР 1922 года [10], было помещено в главу о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Определялось оно как «озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом

действия» (гл. 5., ст. 176). Соответственно, отношение к нему у правоприменителя было таким же, как к другим преступлениям, посягающим на личность человека.

Спустя всего четыре года, в УК РСФСР 1926 года [11] был коренным образом изменен взгляд на объект данного деяния, которое из разряда преступлений против личности перешло в разряд преступлений против государства, и разместилось в главе о преступлениях против порядка управления (гл. 2., ст. 74). И вновь такое положение оказалось недолгим. Уже в УК РСФСР 1960 года [12] по мнению законодателя состав хулиганства перестал посягать на государственный порядок и включен в число преступлений против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (гл. 10., ст. 206). С этого периода преступное хулиганство приобретает многие современные черты и признаки, которые оказались воплощенными в актуальном законодательстве. Речь идет не о частностях, а о принципиальных положениях положенных в основу определения объекта при хулиганстве.

Данное понимание хулиганства было воспринято законодателем в 1996 году, когда состав анализируемого преступления помещен в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ. Относительная стабильность в определении объекта посягательства при хулиганстве не сопровождалась константностью содержания данного преступления. За предыдущие 20 лет оно изменялось еще несколько раз. Причем, редактировались как сама дефиниция, так и квалифицирующие признаки хулиганства, вид и размер наказания.

Так, изначально в 1996 г. легальное определение хулиганства предполагало «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Если же деяния лица, нарушающие общественный

порядок, не сопровождались реальными или угрожающими насильственными действиями в отношении граждан либо причинением имущественного вреда, то квалификации деяния по ст. 213 УК РФ не происходило. Таким образом, исключалась уголовная ответственность за определенные действия, совершаемые из хулиганских побуждений, которые представляют собой классическое грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу [14, с. 13]. Естественно, такое решение законодателя многократно критиковалось в научных исследованиях и практической деятельности правоприменителей.

Кодекс знал две разновидности квалифицирующих признаков – повторность совершения мелкого хулиганства и злость последнего, которые впоследствии были изъяты из диспозиции статьи. Особо квалифицирующий состав анализируемого преступления (ч. 3 ст. 213 УК РФ) предусматривал применение оружия или предметов, используемых в таком качестве, а также совершение преступления лицом, ранее судимым за хулиганство.

Масштабное редактирование УК РФ, осуществленное Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [6], не могло не отразиться и на содержании ст. 213 УК РФ, которая уже не отвечала требованиям времени. Новый подход к пониманию хулиганства позволил определить его как действие, «грубо нарушающее общественный порядок, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия».

Сравнивая содержание данной дефиниции с существующей ранее, следует отметить, что законодатель избрал довольно своеобразный подход к редактированию нормы ст. 213 УК РФ. Основной состав хулиганства перестал содержать указание на признак применения насилия или угрозы его применения, равно и на уничтожение или повреждение чужого имущества.

Вместо предыдущего упомянутого признака основной состав хулиганства дополнен изъятым из ч. 3 ст. 213 УК РФ (квалифицированного состава) признаком, предполагающим, что наличие данного преступления будет определяться по тому, применялось ли оружие или предметы, используемые в качестве оружия при грубом нарушении общественного порядка, сопровождавшего явное неуважение к обществу.

Таким образом, если ранее упор законодателя при формулировке диспозиции был сделан на конкретные действия (применение насилия или угрозы, уничтожение или порча имущества), то теперь речь идет об использовании орудий совершения преступления как обязательного признака. Принесло ли пользу такое законодательное новшество? Вряд ли. Более того, понятие хулиганства стало еще более абстрактным, лишившись названных выше конкретизирующих признаков [35, с. 78]. Что же касается их дальнейшей судьбы, то применение насилия (его угрозы), а также уничтожение или повреждение имущества не были декриминализованными, а «отягчили» другие составы преступлений, посягающие на личность (ст. 115, 116, 167 УК РФ).

Однако редактирование хулиганства в 2003 г. было не окончательным. На сегодняшний день ч. 1 ст. 213 УК РФ в редакции 2017 года является уникальной. Она объединяет в себе разные признаки объективной стороны, выступающие в качестве альтернативно обязательных. В их числе орудия совершения преступления (п. «а» - эта формулировка появилась в УК на основании Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), мотив совершения преступления (п. «б» - появился в УК после принятия Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ) и место совершения преступления (п. «в» добавлен 3 апреля 2017 года № 60-ФЗ).

В теории уголовного права всегда считалось, что все, что указано в диспозиции, должно обязательно присутствовать в каждом конкретном деянии, если нет разделительного союза «либо». Законодатель это правило проигнорировал, а Верховный Суд его поддержал. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике

по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» [87] прямо указано, что хулиганство может быть «совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». То есть вполне достаточно какого-то одного признака. Верховный Суд вернул союз «либо» на принадлежащее ему по праву место. Большая часть теоретиков с этим уже согласились. Судебная практика следует по этому пути, и проблем, как правило, в этом случае не возникает. Теперь, следуя логике постановления № 45 и самого закона, стоит добавить еще и третье «либо» - указанное в законе место совершения преступления - совершение хулиганства на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Все, казалось бы, просто и понятно. Однако само по себе место совершения хулиганства значения для квалификации не имеет. Любое хулиганство совершается в общественном месте, а какое это место – кинотеатр, кладбище, остановка общественного транспорта и т.п., на квалификации не отражается, но может быть учтено судом при определении меры и размера наказания виновному.

Законодатель сформулировал дефиницию уголовно наказуемого хулиганства в ст. 213 УК РФ, определив под таковым грубое нарушение общественного порядка, в котором выражается явное неуважение к обществу и содержится хотя бы один из дополнительных признаков в диспозиции ч. 1 названной статьи. Предложенное российским законодателем определение хулиганства отражают общий смысл и тенденцию описания преступлений – определяет объективную сторону этого деяния (нарушение). Отличительной чертой состава хулиганства выступает указание в диспозиции статьи на основной объект хулиганства (общественный порядок) и проявляющийся вовне мотив (выражение явного неуважения к обществу). В данном случае это проявление не стоит путать с внутренними побудительными мотивами

преступления, которые могут быть самыми разнообразными или отсутствовать вовсе, так как не являются обязательным признаком преступления.

Признаки, употребленные законодателем, являются оценочными, что означает отсутствие четкого и однозначного понимания их содержания. Одним из таких признаков является общественный порядок как объект преступного посягательства, который страдает от него. Ни законодатель, ни высшая судебная инстанция до их пор не предложили исчерпывающего понятия общественного порядка, а ученые «сломали копья», но так и не смогли вывести однозначное его определение. Кроме того, неясным продолжает оставаться и соотношение таких терминов, как «общественный порядок» и «порядок в общественном месте», что будет рассмотрено в следующем параграфе.

Наиболее обоснованным представляется отнесение общественного порядка к общественному бытию, представляющему собой сферу жизнедеятельности социума, сферу реализации его коммуникативных связей. Общественный порядок помимо самоценности значим еще и потому, что упорядоченность общественных отношений выступает в качестве формы укрепления и охраны нормальной жизнедеятельности граждан, организаций, учреждений и предприятий.

Следующим оценочным признаком хулиганства следует назвать грубое нарушение применительно к общественному порядку. Грубость действий нарушителей общественного порядка, по мнению исследователей, состоит в причинении существенного ущерба интересам отдельных граждан или всего общества, либо в продолжительности и злостности деяния, сопряженности его с причинением значительного дискомфорта окружающим, срывом общественных мероприятий, работы личного и общественного транспорта, и т. п. [7, с. 201]. Иными словами, в результате грубого нарушения общественного порядка как акта хулиганского посягательства, возникают существенные затруднения упорядоченному функционированию сложившихся в обществе отношений.

Публичность действий виновного – еще один оценочный признак анализируемого преступления. Исследователи по-разному определяют

содержание данного признака. Одни вкладывают в термин «публичность» обязательное присутствие очевидцев; другие – совершение хулиганства в месте, признаваемом общественным; третьи – смешивают признаки хулиганства, и к числу обязательных относят публичную обстановку [13].

Некоторые исследователи (П. С. Матышевский, А. И. Игнатов, Н. Ф. Кузнецова, В. Ф. Кириченко и др.) [49, с. 123] при отождествлении публичности с местом совершения хулиганства, с многолюдностью приходят к выводу о необязательности признака публичности для признания деяния хулиганством. Еще одна группа авторов признают непременную грубость нарушения общепринятых стандартов общения между людьми независимо от числа очевидцев и места совершения деяния.

В рассуждениях каждой группы исследователей имеется рациональное зерно, и при анализе публичности как свойства (качества) поступка с присущей ему совокупностью объективных и субъективных признаков, следует говорить о причинении существенного ущерба общественным интересам. Именно с этой точки зрения следует признать органическую присущность публичности всем хулиганским преступлениям независимо от наличия / отсутствия очевидцев в момент совершения преступления. Исходя из такого понимания хулиганство как публичное преступление может быть совершено как при наличии большого числа очевидцев, так и в отсутствие хотя бы одного из них; в равной степени оно возможно в отношении неопределенно большого числа лиц, так и по отношению к отдельному (случайно попавшему в поле зрения хулигана) гражданину.

Сущностные признаки преступного хулиганства необходимо раскрывать, учитывая многообразные социальные факторы, в той или иной степени оказывающих на него влияние. В первую очередь, такое взаимовлияние и взаимосвязь наблюдаются между хулиганом и совершенным им деянием. При общем достаточно сильном влиянии социума на все общество и его отдельных членов, конкретные индивиды не желают правилам и ожиданиям данного общества соответствовать. Хулиганство – это наиболее яркий пример такого

несоответствия. При социальной желанности определенного варианта поведения от конкретной личности, ожидания и намерения последнего могут в корне не совпадать с общими потребностями человеческого коллектива. Более того, они могут ему кардинально противоречить. Такое противоречие нередко выражается в хулиганских действиях, которые выступают отражением конфликта индивида с обществом [37, с. 20].

Хулиганством как нарушением установленных норм преступник демонстрирует не просто пренебрежение к социальным установлениям, но и противодействие упорядоченному функционированию общественных отношений, иными словами – общественному порядку. Эти отношения имеют обширное содержание и включают в себя отношения динамического равновесия (или, иными словами, отношения порядка), совокупность социальных норм (правовых, моральных, обычаев, традиций и т. д.), коммуникативных отношений между организованными членами общества (внутри производственных и служебных коллективов, хозяйственных обществ) и стихийными образованиями (например, телезрители, участники дорожного движения, пассажиры общественного транспорта, продавцы и покупатели и т. д.). Действия хулигана дезорганизуют нормальный жизненный уклад, подрывают общественные устои и ценности, вносят хаос в работу предприятий, учреждений и организаций всех форм собственности, вредят стабильности и устойчивости, авторитету власти.

Исследователь Н.Г. Кадников среди всего многообразия форм внешнего проявления хулиганских действий, называет три наиболее типичных варианта причинения вреда охраняемому объекту посягательства в виде общественного порядка [33, с. 79].

В первую очередь, содержание объективной стороны деяния могут составлять действия, которые непосредственно направлены на охраняемую уголовным законом социальную возможность участников общественных отношений осуществлять свою нормальную ежедневную упорядоченную деятельность. Это могут быть все виды трудовой, творческой, спортивной,

религиозной, финансово-экономической и иных видов занятий, находящихся в состоянии динамического равновесия. Поскольку в приведенном примере речь идет о явной направленности преступного посягательства на непосредственный объект – общественный порядок, именно он и будет являться единственным объектом преступления.

В другом случае вред может непосредственно не причиняться любому из перечисленных выше объектов, а происходит повреждение или полное уничтожение государственного или личного имущества. И здесь следует говорить уже о нарушении определенных социальных возможностей (например, по удовлетворению каких-либо благ). Соответственно, наряду с основным непосредственным объектом – отношениям в сфере обеспечения общественного порядка, одновременно страдает и факультативный объект – государственная или индивидуальная собственность.

И, наконец, при хулиганстве посягательство может непосредственно затрагивать физическое лицо, что лишает последнего возможности либо существенно затрудняет реализацию этой возможности (совершать определенные действия или пребывать в определенном состоянии). В этом случае преступное воздействие на основной объект – охраняемый общественный порядок, – будет опосредованным, а его выражением станет посягательство на факультативный объект (личность человека).

Отнесение хулиганства к уголовно-наказуемым деяниям возможно лишь в случае демонстрации лицом явного неуважения к обществу. Оценочный признак явности неуважения означает внешне очевидное и не вызывающее чьих-либо споров пренебрежение к интересам граждан, общества в целом или отдельных социальных групп. Это пренебрежение осознается самим виновным и окружающими его людьми, которые испытывают разного рода дискомфорт от попрания поведенческих, моральных и нравственных норм в их присутствии либо в отношении их самих. Поскольку явное неуважение хулиган проявляет именно к обществу или отдельным сферам, его действия приобретают признак публичности. При этом, однако, следует признать справедливым замечание

А.Ю. Магда о том, что явное неуважительное отношение к обществу присуще любому преступлению, поэтому логично в данном случае характеризовать его применительно к мотиву хулиганства, нежели к преступлению в целом [54, с. 568].

Рассматривая мотивацию хулиганства, которая лежит в основе цели преступного деяния, ряд ученых (М.И. Баженов, В. И. Ткаченко, Г. П. Виттенберг, Е. Л. Андрусенко [59, с. 153] и другие) в качестве главного мотива называют озорство. Возвращаясь к ретроспективному анализу преступного хулиганства, отметим, что такое понимание мотивации анализируемого деяния могло быть уместно несколько еще в дореволюционной России. В условиях современной правовой действительности данный термин неуместен, поскольку характеризует содеянное как некую шалость, детское баловство, не отражая истинное социальное лицо хулигана.

Такое поведение вызвано стремлением противопоставить себя окружающим путем игнорирования их интересов. Нельзя не отметить и стремление хулигана самоутвердиться, выразить вовне свое гипертрофированное «я» путем грубого нарушения общественных норм, цинично и дерзко преступающего закон. Причем, самоутверждение, как правило, понимается превратно, извращенно, либо наделяется ложно-ценностными чертами.

Итак, бурное развитие общественных отношений и возникающие при этом проблемы подтверждают необходимость и социальную обусловленность уголовно-правовой охраны общественного порядка от негативных форм хулиганского влияния. Сегодня правовой аспект хулиганства включает в себя грубое нарушение общественного порядка, которое выражается в явном неуважении к обществу. Уголовно наказуемыми эти действия становятся тогда, когда они совершаются с использованием орудия, исходя из определенного мотива или в определенном месте.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА

2.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА

Объективные признаки состава любого преступления включают в себя определение объекта и объективной стороны. Установление каждого из них является обязательным при квалификации деяния, в противном случае следует говорить об отсутствии преступления в целом. Объектом в уголовном праве выступает то охраняемое законом общественно значимое благо, которому преступлением причиняется определенный вред. Это благо далеко не всегда носит телесный характер, что не лишает его статуса объекта посягательства. Исследователи в зависимости от уголовно-правового смысла, вкладываемого в понятие, а также его объема, выделяют общий, родовой, видовой, непосредственный объект, а также предмет преступления. Кроме основного объекта посягательства преступлением может быть причинен вред дополнительному объекту, который связан с основным определенными отношениями.

Общий предмет любого преступного посягательства – вся совокупность подлежащих уголовно-правовой охране общественных отношений. На современном этапе развития человеческого общества отношения, которым причиняется вред при хулиганстве, являются жизненно необходимыми для любой социальной структуры, и именно этим определяется их ценность.

Названный признак общественных отношений выступает в качестве свойства и характеризует любые складывающиеся в обществе отношения как объект хулиганства. Это, происходит потому, что они лежат в основе структуры любой социальной общности, и существование человечества без них представить невозможно. Совершение хулиганства влечет нарушение нормального функционирования таких отношений, что вносит дисбаланс во все

сферы жизнедеятельности, и, в частности – вредит процессу формирования всесторонне и гармонично развитой личности.

В рамках общего объекта преступного посягательства выделяется родовый объект, на который покушается хулиган. Сущность этого объекта можно определить из наименования раздела УК РФ, где располагается соответствующая норма, устанавливающая уголовную ответственность за хулиганство. Статья 213 УК РФ помещена законодателем в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», а, значит, родовый объект хулиганских посягательств представляют собой отношения по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка. Это те отношения, которые обеспечивают нормальную, обычную жизнедеятельность человека, позволяют ему комфортно сосуществовать с другими членами общества.

В результате еще более мелкого деления родовый объект объединяет в себе несколько видовых объектов, вред которым причиняется в результате преступления. Видовой объект хулиганских посягательств определен в названии соответствующей главы УК РФ, содержащей данный состав. Расположение хулиганства в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» свидетельствует о том, что видовой объект анализируемого преступления составляет общественная безопасность как состояние защищенности в обществе от негативного влияния как извне, так и от самого общества.

И, наконец, конкретизация того, на что посягает хулиган, находит свое отражение в непосредственном объекте посягательства. Исходя из формулировки диспозиции ст. 213 УК РФ, где описан состав хулиганства, непосредственным объектом посягательства при совершении данного преступления выступают отношения по охране общественного порядка.

Итак, сегодня законодатель остановился на такой характеристике уголовно наказуемого хулиганства, которая позволяет рассматривать его как преступление, направленное именно против общественной безопасности

(видовой объект). Последняя здесь выступает дополнительным объектом по отношению к грубому нарушению общественного порядка и выражению явного неуважения к обществу (непосредственный объект).

Такой подход законодателя к определению содержания охраняемых законом отношений при хулиганстве видится не совсем удачным, ведь более обширные нормы раздела IX УК РФ включают в себя указание на общественный порядок, который почему-то не упоминается в более узкой по содержанию главе 24, но содержится в еще более конкретной формулировке самой статьи 213 УК РФ. При этом согласно логике уголовного права, основной непосредственный объект должен находиться в плоскости видового, а тот, соответствующего, являться составной частью родового объекта. Хулиганство же, как это прямо указано в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ, направлено, прежде всего, на причинение вреда общественному порядку, не упомянутому в рамках видового объекта. Но это уже претензии не к ст. 213 УК РФ, а, в целом, к более общим формулировкам, касающимся структуры всего уголовного закона. В связи с этим считаем необходимым выделить в разделе IX УК РФ самостоятельную главу, содержащую нормы о преступлениях, посягающих, прежде всего, на общественный порядок. Так, в Модельном уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятом 17 февраля 1996 г. [2], статья 234 «Хулиганство» содержится в главе 27 «Преступления против общественного порядка и нравственности» одноименного раздела X, что представляется более правильным и логичным.

Как уже было отмечено, хулиганство объективно направлено на непосредственное причинение вреда общественному порядку. Также в качестве дополнительного объекта это преступление может причинять вред личности, ее жизни и здоровью. Сама эта возможность уже заложена в формулировке п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, где указано на преступность совершения деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Содержание понятия оружия можно выяснить при анализе специального

законодательства. Так, в Федеральном законе «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ [5] функциональное назначение оружия определено как поражение живой или иной цели. Соответственно, с его использованием при хулиганстве вероятнее всего будет реализовано посягательство на жизнь и здоровье как человека. Также его разрушительное воздействие может быть оказано и на собственность.

Но это не является обязательным в каждом составе хулиганского преступления. Оно может не влечь абсолютно никакого физического и морального вреда личности и ее интересам. Более того, хулиганство может быть совершено и в отсутствие очевидцев. Так, использование оружия при хулиганстве не означает обязательности причинения вреда именно личности, поскольку преступный замысел может быть реализован и в виде стрельбы в воздух в общественном месте. В этой связи следует признать несостоятельной точку зрения группы исследователей (Я.Е. Гурвич, А.Н. Трайнин, Я.М. Кульберг и др.) [56, с. 30] о том, что личность в обязательном порядке является непосредственным объектом хулиганства.

Аналогично дело обстоит и с собственностью, которая нередко страдает от хулиганских действий, но не может быть признана основным объектом хулиганства, установление которого обязательно при квалификации. Совершенно справедливой в данном случае является точка зрения И.Н. Фомичевой, которая считает, что дополнительные объекты нуждаются в самостоятельной уголовно-правовой защите в рамках другого преступления, а при совершении хулиганских действий защищаются уголовным законом лишь попутно [80, с. 89]. Интересной представляется мнение о том, что посягательство на личность и (или) собственность при хулиганстве представляют собой лишь способ посягательства на его основной объект – общественный порядок.

Довольно меткую характеристику дополнительному объекту хулиганства дает И.Я. Козаченко, называя его состав преступлением с «блуждающим предметом» [37, с. 131], существующим в отдельных случаях параллельно с

непосредственным объектом в отдельных хулиганствах и также страдающим от действий виновного.

При таком подходе к объекту хулиганства можно довольно однозначно ответить на вопрос о возможной его характеристике в качестве многообъектного. Поскольку с недавнего времени из ч. 1 ст. 213 УК РФ было изъято указание на альтернативную сопряжённость хулиганства с посягательством на личность или собственность, данные объекты приобрели статус факультативных. Этим еще раз подтверждается сделанный выше вывод о том, что в качестве обязательного непосредственного объекта хулиганства выступают общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок и общественную безопасность. Данные блага всегда, безусловно, страдают от хулиганских действий либо ставятся под угрозу нарушения [24, с. 12]. Все остальное – дополнительные объекты.

Объективная сторона – следующий нуждающийся в установлении обязательный признак любого преступления, который представляет собой совокупность очерченных законом внешних признаков преступного поведения человека. Данное определение является наиболее общим и кратким. При этом в нем содержится указание на основной признак объективной стороны – общественно-опасное деяние как совокупность названных выше признаков. Преступным при хулиганстве признается такое поведение виновного, которое выражается в сочетании двух ранее уже подвергнутых анализу оценочных признаков: «грубое нарушение общественного порядка» и «выражение явного неуважения к обществу».

Рассмотрим данные признаки применительно к анализу объективной стороны деяния. Оценку грубости нарушения проводят с точки зрения его существенности – насколько сильно виновный воздействует на общество. Констатация простого нарушения общественного порядка позволяет говорить о мелком хулиганстве, влекущем административную ответственность. Грубость, существенность нарушения общественного порядка образует состав уголовно наказуемого хулиганства [64, с. 376]. О наличии грубости нарушения могут

свидетельствовать характер совершенных действий, их интенсивность, продолжительность, массовость, способ воздействия на общественный уклад, место и время их совершения, наступившие последствия (при наличии) и т.д. [66, с. 39].

Поскольку категория грубости, равно как и другие признаки хулиганства, является оценочной, а, значит, может по-разному оцениваться человеком, граница преступного и не преступного определяется исходя из анализа сходных составов в УК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [4] (далее – КоАП РФ). Юридический анализ объективной стороны ч. 1 ст. 213 УК РФ и ст. 20.1 КоАП РФ, позволяет однозначно исключить из числа преступных нецензурную брань в общественных местах, даже очень грубую и при массовом скоплении людей. Равно как и оскорбительное приставание к гражданам. Эти деяния, безусловно, вредны для общества и нарушают сложившийся в нем порядок. Но они не несут в себе опасности для общества, не угрожают его устоям.

Кроме того, вследствие законодательной правки декриминализованы грубые нарушения общественного порядка, повлекшие даже уничтожение или повреждение чужого имущества, что ранее было преступным уже в силу самого факта повреждения имущества, если они не сопровождались применением оружия (соответствующих предметов), либо мотивацией ненависти либо ни на одном из названных в Кодексе видов транспорта. Поскольку к преступлениям данные хулиганства не относятся, они наказываются в административном порядке с характеристикой – «мелкое».

Следующий оценочный признак в виде явного неуважения к обществу также нуждается в более четких ограничителях, позволяющих не путать преступление с правонарушением. А.В. Рагулин в числе таких характеристик называет демонстративно-пренебрежительную позицию, занимаемую по отношению к окружающим людям, принятым в обществе нормам и правилам поведения. Более того, демонстрируя и даже кичась противозаконностью своего поведения, хулиган грубо игнорирует замечания, нередко направляя

свою агрессию на лицо, пытающееся его усмирить [66, с. 40]. Безусловность неуважительного отношения проявляется в том, что ни хулиган, ни остальные члены общества не сомневаются в его наличии.

С учетом изложенных характеристик общественно-опасного деяния при хулиганстве, следует отметить, что оно может совершаться только путем активных действий. Для того чтобы грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу, необходимо проявить физическую активность. Бездействие как форма хулиганства не возможно.

По поводу момента окончания хулиганства, и, соответственно, конструкции объективной стороны состава, среди ученых также нет единого мнения. В теории советского, а затем – и российского уголовного права существуют три основные точки зрения на этот счет.

Сторонники первой точки зрения относят хулиганство к числу преступлений с формальным составом [26, с. 56; 29, с. 34], для констатации которого достаточно самого факта совершения запрещенного деяния независимо от наступивших последствий. В подтверждение своего мнения исследователи говорят о том, что хулиганство преступно уже в силу самого факта проявления явного неуважения к обществу и грубого нарушения общественного порядка. Другие учёные считали, что состав хулиганства является материальным, причём понимали под последствием данного преступления причинение вреда общественному порядку [25, с.19]. Так, В.Н. Кудрявцев при рассмотрении преступления с его внешней стороны как последовательное развитие событий и явлений, началом (отправной точкой) его считал начало совершения преступного действия (бездействия) субъекта, а окончанием – наступление преступного результата в виде негативных последствий [45, с. 9].

И, наконец, третья группа исследователей относят хулиганство к числу преступлений с формально-материальным составом. В обоснование своего мнения ученые говорят о том, что грубое нарушение общественного порядка может альтернативно сопровождаться как применением насилия или угрозой

его применения (в отсутствие каких-либо вредных последствий), так и при причинении фактического вреда объектам собственности, вплоть до их полного уничтожения [13, с.294].

Надо отметить, что все эти виды составов характеризовали хулиганство в определенный период времени и непосредственно зависели от изложения диспозиции данной статьи. В настоящее время формулировка ст. 213 УК РФ выглядит таким образом, что не имеет сколько бы материального наполнения. Отсутствие упоминания в диспозиции основного состава таких объектов посягательства, как личность или собственность, позволяет охарактеризовать конструкцию состава как формального со всеми присущими такому составу характеристиками. Правоприменитель признает его оконченным вне зависимости от наступления вредных последствий.

Касаясь же позиции, признающей даже современную редакцию ст. 21 УК РФ материальным составом, приведем справедливую позицию А.И. Рарога, который обоснованно утверждает, что «грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу – это не последствие, а социальное свойство хулиганских действий, придающее им общественно опасный характер» [68, с. 37].

С учетом того, как динамично меняется содержание криминального хулиганства, отметим, что формальность данного состава не является раз и навсегда установленной, и не исключено, что когда-нибудь данное преступление вновь не станет материальным.

Итак, общественно-опасные грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу является главным признаком объективной стороны хулиганского преступления. Ряд учёных указывает на наличие других признаков, относя их к числу обязательных или факультативных. Так, например, И.Н.Даньшин в числе обязательных признаков объективной стороны хулиганства рассматривает общественное место [26, с. 38]. Приводя аргументы в защиту своей точки зрения, исследователи говорят о том, что поскольку преступное посягательство при хулиганстве направлено на

общественный порядок, последний не может существовать вне общества. Соответственно, местом жизнедеятельности общества является общественное место в широком смысле, которое не должно быть проигнорировано при характеристике объективной стороны.

Категорически не согласен с приведенной выше точкой зрения В.Н. Кудрявцев, который, напротив, не относил к числу обязательных признаков данного общественно-опасного деяния общественное место совершения преступления [45, с.14-15]. Соглашаясь с тем, что конкретной характеристики, и даже упоминания о месте совершения хулиганства УК РФ не содержит, отметим, однако, что таковое подразумевается. Причем, это является вполне очевидным для окружающих. Как минимум, ведя речь об объектах транспорта, законодатель устанавливает, что на этих объектах, которыми пользуются все члены общества, деяния будут являться преступными. Совершенно логично, что правоприменитель поддерживает именно эту позицию. И сегодня хулиганство может быть констатировано безотносительно места совершения деяний на основе анализа объективных и субъективных признаков.

Вполне обоснованным является утверждение о том, что «решающее значение для данного состава имеет не место, а люди, общество, которому хулиган бросает вызов своим поведением» [38, с.177]. Более того, в условиях постепенного усложнения и изменения общественных отношений, переноса из их сферы реального бытия в виртуальное пространство утверждение В.Н. Кудрявцева, высказанное около полувека назад, становится все более актуальным. Речь идет о таком виде хулиганских действий, как «телефонное хулиганство», которое позднее было дополнено хулиганством в социальных сетях и в Интернете в целом. Расхожий термин «троллинг» отчасти покрывает этот тезис.

С учетом приведенных рассуждений следует признать неактуальным понимание общественного места как места скопления людей. Речь, скорее всего, должна идти о месте взаимодействия людей. Так, всемирная

компьютерная сеть объединяет сегодня большинство населения планеты, которые фактически субъектно могут пребывать в одиночестве.

При таком подходе к определению общественного места становится более понятной формулировка законодателя о нарушении общественного порядка, используемая им в ч. 1 ст. 213 УК РФ. Очевидно, что общественный порядок может наличествовать и, соответственно, нарушаться только в общественном месте. Соответственно, сам «порядок» означает упорядоченность общественных отношений. Характеристика места взаимодействия людей как общественного предполагает присутствие в нем (зримое или незримое) третьих лиц, которыми осознается нарушение общественного порядка, что, вероятно, доставляет им дискомфорт, нарушает или затрудняет их комфортное и безопасное пребывание в этом месте. Отметим еще, раз, что такое присутствие людей может быть и виртуальным (социальные сети), когда тело человека (людей) находится где угодно, но интернет-присутствие и вмешательства хулиганов в их жизнедеятельность явно и недвусмысленно нарушает внутренний покой, выводит из себя, вредит привычному или просто текущему порядку развития событий.

Еще более резкую позицию высказывает Н.Г. Иванов, считающий парадоксальным квалифицировать преступление в зависимости от места совершения преступления и наличия в нем посторонних лиц [30, с. 156]. Данная точка зрения имеет право на существование при условии необходимых аргументов в подтверждение авторской позиции, которые, к сожалению, отсутствуют. Поэтому сложно комментировать данную позицию.

Итак, место совершения хулиганства не обязательно должно быть предполагать большое скопление народа или даже обычного присутствия окружающих. С той же степенью вероятности местом совершения хулиганства может быть признано любое другое место, включая безлюдное, предполагающее полное отсутствие очевидцев. Хулиганскими же будут признаны деяния виновного, совершенные в отношении случайно выбранного им человека как одного из представителей общества, не персонифицировано.

Важно, что в данном случае будет отсутствовать личный мотив по отношению к потерпевшему члену общества, которым мог стать любой человек, случайно оказавшийся в зоне хулиганского посягательства [30, с. 156].

В подтверждение этих слов можно привести случай из судебной практики Димитровского районного суда г. Костромы. Приговором суда Д. был признан виновным по п. «а» ч.1 ст. 213 УК РФ, который после употребления значительного количества алкоголя в отсутствие каких-либо причин ударил найденной им резиновой палкой случайно встретившегося на пути М. Свои действия Д. сопровождал нецензурной бранью при большом скоплении людей, включая малолетних и несовершеннолетних граждан [91].

Помимо беспричинного нападения на незнакомых посторонних людей в публичном месте, хулиганскими действиями, посягающими на общественный порядок, могут быть признаны и преступные деяния, совершенные в отношении родственников даже при нахождении последних в собственном жилище. Например, приговором Кировского районного суда г. Волгограда Б. признан виновным в совершении уголовно наказуемого хулиганства за то, что придя домой в состоянии опьянения при отсутствии причин начал скандалить, повредил целостность жилища, изрезав обшивку входной двери, разбив окно. Свои агрессивные действия глава семьи сопровождал нецензурными выражениями в присутствии и в отношении несовершеннолетней дочери, циничными оскорблениями в адрес супруги, которую впоследствии начал преследовать, угрожая ножом. Как представляется, в описанном случае наличествует именно посягательство на общественный порядок, поскольку проявления бесчинств, дебоша, издевательства и глумление над окружающими являются формами явного неуважения к обществу, к принятым в нем правилам и нормам поведения. Хотя нельзя отрицать того, что основу преступного поведения составляют личные мотивы, но сам способ и характер поведения виновного демонстрируют явное неуважение к обществу.

В другом случае даже личное неприязненное отношение к пострадавшему не помешало Дзержинскому районному суду г. Волгограда квалифицировать

деяние виновного как хулиганство. В., находившемуся в состоянии алкогольного опьянения, пришла в голову мысль отомстить соседу, ранее сделавшему ему замечание. С этой целью он выбил входную дверь в квартиру соседа, использовал в отношении него нецензурную брань, предпринимал попытки ударить. Интересы общества пострадали в данном случае потому, что своим поведением виновный демонстрировал явное неуважение к правилам и нормам социальной жизни.

В результате таких действий личности потерпевшего может быть причинен легкий вред здоровью или создана угроза причинения такого вреда. Если в отношении посягательства на личность возбуждено административное производство, то параллельно осуществляется квалификация деяния как хулиганства при демонстрации виновным явного неуважения к обществу и его ценностям. Приведем пример из практики. Красноармейским районным судом г. Волгограда двое граждан были признаны виновными в совершении квалифицированного хулиганства (п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ) за то, что 8 марта 2015 г. поздравили знакомого с Международным женским днем, в результате чего поссорились. Ссора происходила около подъезда многоквартирного дома и сопровождалась грубыми высказываниями, а затем переросла в избиение пострадавшего. Благодаря вмешательству других жильцов дома вред здоровью последнего причинен не был, но общественный порядок был нарушен, что послужило поводом для возбуждения уголовного дела [94].

В рассмотренном случае суд справедливо осудил виновных за инициированное ими хулиганство, сопряженное с посягательством на личность человека. В том случае же, если бы инициатива конфликта исходила от потерпевшего или начало ссоры было бы обусловлено личными неприязненными отношениями, в деянии виновных признаки хулиганства отсутствовали. Поэтому так важно при квалификации хулиганских (как и любых иных) деяний, затрагивающих интересы личности, во всех случаях выяснять поведение потерпевшего перед конфликтом и его личные взаимоотношения с причинителем вреда.

Продолжая рассматривать объективную сторону хулиганства, напомним, что в случае совершения его с использованием оружия или используемых в качестве такового предметов кроме Федерального закона «Об оружии» [5] следует обращаться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [85] и результатам соответствующих экспертиз. Обобщенный анализ нормативных и правоприменительных документов позволяет сделать вывод о том, что в целях ч. 1 ст. 213 УК РФ под оружием понимаются все виды гражданского, служебного, боевого ручного стрелкового и холодного, а также газового, пневматического и сигнального оружия, изготовленных как на заводе, так и самостоятельно.

Поскольку из содержания названного выше постановления высшей судебной инстанции следует, что оно не распространяется на отдельные виды оружия, необходимо обратиться еще к одному Постановлению. Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [86] признает оружием иные виды боевого огнестрельного оружия, которое находится на вооружении в различных видах российских войск, и не подпадает под действие норм Федерального закона «Об оружии».

Таким образом, перечислением в одном положении всех видов оружия законодатель уравнивает между собой степень их воздействия. Как думается, это не совсем правильно. Общественная опасность хулиганства будет различаться в зависимости от того, использовал ли виновный, например, огнестрельное или газовое оружие, ведь последствия воздействия на объект преступления тоже могут быть различными. Абсолютно справедливо в процессе квалификации деяний субъекты правоприменения все виды пневматического, газового или сигнального оружия относят не к оружию непосредственно, а к предметам, используемым в качестве такового, что

представляется более точным. Но поскольку уголовная ответственность за использование перечисленных видов оружия не дифференцируется, при назначении наказания данный факт не учитывается и виновные в равной мере отвечают за свое поведение.

Как представляется, законодателю при дальнейшем совершенствовании норм уголовного права необходимо рассмотреть вопрос о дифференциации ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ в зависимости от того, чем именно воспользовался хулиган при совершении своего опасного деяния.

Продолжая дальнейшее рассмотрение особенностей объективной стороны хулиганства в зависимости от того, какие предметы использовал виновный для посягательства на общественный порядок, заметим, что подход законодателя за последние десятилетия существенно изменился. Если в предыдущем УК РСФСР 1960 г. (ч. 3 ст. 206) содержалось указание на то, что предметы, которые хулиган применяет в качестве оружия должны быть специально приспособлены для нанесения телесных повреждений [79, с. 59], то сегодня это не является обязательным. Поэтому суды квалифицируют по ст. 213 УК РФ и те деяния, где использовались предметы, не являющиеся оружием в точном смысле этого слова, но использовались для нанесения повреждений личности. Более того, на это есть официальные разъяснения высшей судебной инстанции.

Так, в постановлении Президиума Верховного Суда РФ № 723п99пр по делу Кукушкина разъяснено, что в качестве таких предметов, которые рассматриваются как оружие хулигана могут выступать абсолютно любые предметы, в том числе предназначенные для хозяйственно-бытовых нужд, если с их помощью можно причинить физический вред личности. Это многие виды инструментов и горючих жидкостей и даже предметы домашней утвари (например, сковорода, ступа и т.п.) [87, с. 39].

Осознавая тот факт, что совершение многих хулиганских преступлений, особенно в состоянии алкогольного опьянения, сопровождается как раз использованием подручных предметов для нанесения телесных повреждений,

не все исследователи согласны с такой квалификацией. Так, например, О. Вознесенская считает подобную формулировку размыиванием пределов толкования закона, утверждая, что следствием данного толкования становится произвол правоприменителя [19, с. 51]. Другие исследователи, напротив, отмечая усиливающуюся тенденцию развития российского уголовного законодательства, говорят о повышении общественного интереса в сторону усиления охраны общественного порядка и необходимости развития именно такого подхода к квалификации предметов, используемых в качестве оружия, который был описан выше [58, с. 55]. По этому же пути идет и судебная практика. Предметами, используемыми в качестве оружия при хулиганстве, признаются топоры [98], металлические ковши [95], кухонные ножи, шило, доски, горлышко разбитой бутылки, деревянные, резиновые палки, биты, металлические предметы, молоты, гаечные ключи и др. [104].

При использовании данных предметов следует понимать, что отдельным из них действительно присущи свойства и качества оружия (например, острое лезвие), другие же используются как усилители ударной силы. Например, колюще-режущие свойства ножа или лезвия топора позволяют использовать их по прямому назначению как оружие. В случае же нанесения ударов не заостренной частью, а обухом или рукояткой, следует говорить уже не об оружии, а о предмете, используемом в таком качестве [75, с.859].

В качестве примера А.В. Наумовым приводится уголовное дело, поступившее на рассмотрение Верховного Суда РФ, когда при совершении своего деяния виновник использовал для нанесения ударов пепельницу, бутылку, шкатулку. Данные предметы определили как используемые в качестве оружия, а сам факт их использования для причинения физической боли позволил квалифицировать деяние как хулиганство [57].

В другом же случае брошенная в голову потерпевшей солонка, которой причинен легкой степени вред здоровью, не была признана Нижегородским областным судом предметом, используемым в качестве оружия. Как представляется, данный вывод был неверен, ведь таковым может признаваться

любой предмет, потенциально способный причинить вред здоровью человека [93].

В еще одном разъяснении высшей судебной инстанции, а именно – в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» предметами, используемыми в качестве оружия, признаются механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряжённые слезоточивыми и раздражающими веществами и предназначенные для временного поражения цели, а также собак и других животных, использование которых представляет угрозу для жизни или здоровья человека [84]. Как представляется, подобные положения вполне соответствуют современному уровню охраны общественного порядка и безопасности в стране.

Ярким примером признания петард, фаеров и т.д. предметами, используемыми в качестве оружия, служит дело о хулиганстве 2012 г., когда на футбольное поле во время матча между командами «Динамо» и «Зенит» вратарь первой команды Антон Шунин был травмирован брошенной на поле петардой [63].

Спорным является вопрос о возможном признании в качестве «полноценного» оружия муляжа, негодного или незаряженного оружия. В.И. Радченко, например, считает, что для этого основания как таковые отсутствуют, ведь виновный занимается лишь демонстрацией таких предметов, не имея намерения их применить [40, с.481]. Парируя исследователю, укажем, что такие предметы осознаются заведомо негодными, неисправными лишь для виновного, в то время как потерпевший считает их вполне реальными, боеспособными, могущими причинить вред. Такое осознание со стороны потерпевшего не позволяет ему в полной мере оказать противодействие посягающему, поскольку он уверен в высокой степени интенсивности угрозы. Кроме того, даже муляж оружия в руках хулигана может усилить эффект от удара. Соответственно, такие предметы совершенно правомерно расцениваются правоприменителями как предметы, используемые в качестве оружия [21, с. 46-

49]. Более того, в практической деятельности даже такой специфический вид игрового оружия, как ружья для пейнтбола также рассматриваются в качестве оружия при совершении хулиганства [63].

Своеобразно положение собак в системе видов оружия, используемых для причинения телесных повреждений при хулиганстве. Хотя такие случаи встречаются нечасто, но они не уникальны. В судебной практике укрепилась позиция о рассмотрении в качестве оружия не любых собак, а лишь крупных служебных и бойцовых пород. Например, Дзержинский районным судом Нижегородской области З. осужден по ч. 3 ст. 213 УК РФ (в предыдущей редакции) за хулиганство, совершенное с предметом, используемым в качестве оружия. Виновный дважды приходил в квартиры незнакомых ему соседей, на которых, используя малозначительные поводы, натравливал свою собаку породы «Стаффордширский терьер» и снимал намордник. В результате этого люди были покусаны [90]. В другом случае при совершении хулиганства находящийся в баре Б. при ссоре с посетителями, натравил на последних питбультерьера без намордника и поводка, в результате чего были покусаны не только отдыхающие, но и сотрудники бара [104].

Итак, в литературе и материалах судебной практики описаны лишь случаи приравнивания бойцовых и служебных собак к оружию. Видимо, прецедентов, когда вред при хулиганстве был причинен собакой, не относящейся к названным категориям, пока не было. Но ведь надрессировать и разозлить можно любую собаку, которая также может стать грозным оружием в руках хулигана. Думается, высшей судебной инстанции необходимо задуматься над данной угрозой при редактировании разъяснений Пленума. Кроме того, на сегодняшний день стало модным держать дома экзотических животных, в том числе и ядовитых и агрессивных (змеи, пауки, тигры и т.д.). Как быть, если и этих питомцев начнут использовать в качестве оружия? Разъяснения также должны быть получены от Верховного Суда РФ.

Кроме названных выше «традиционных» орудий, используемых при хулиганстве, научно-технический прогресс породил и новые способы

применения технологий для совершения преступных деяний. В этой связи появился даже новый термин «лазерное хулиганство», как совершенное умышленно облучение лазерным пучком человека, управляющего транспортным средством для его дезориентации и ухода от заданного курса. Сообщения об этом все чаще появляются в прессе. Наибольшую опасность по возможным последствиям таит в себе облучение пилотов самолетов, которых ежегодно фиксируется не менее ста [12]. В данных случаях происходит умышленное запланированное опасное нефизическое воздействие на общественную безопасность и устоявшийся в обществе порядок. И, естественно, такое поведение должно быть наказано.

Таким образом, на основе предыдущего анализа можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день содержание такого понятия как «предметы, используемые в качестве оружия» нуждается в уточнении и расширении за счет отнесения к ним не только широкого спектра предметов материального и животного мира, которыми можно причинить вред здоровью и жизни людей, но и различного вида излучений, а также программных средств обеспечения деятельности приборов и гаджетов, использование которых создает аналогичные угрозы.

В продолжение рассмотрения признаков объективной стороны хулиганства, отметим, что угроза применения оружия характеризуется учеными как разновидность психического насилия [18, с. 51-52]. Для понимания сущности данной угрозы необходимо обратиться к определению, содержащемуся в ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». Анализ предложенного определения позволяет сделать вывод о том, что угроза влечет за собой признание деяния уголовно наказуемым лишь в том случае, когда она является реальной, т.е. у жертвы действительно существуют опасения в ее практической реализации. Несмотря на достаточную четкость определения неясным остается один существенный момент, который законодатель не определяет – для кого именно эта угроза должна быть очевидной (хулигана или потерпевшего, судебно-следственных органов или

очевидцев?

Традиционно по этой спорной точке зрения имеется несколько мнений в среде ученых. Так, И. Тяжкова предлагает считать реальной лишь такую угрозу применения оружия при хулиганстве, которая приводится в исполнение, т.е. потерпевший воспринимает ее как действительную, а хулиган осознает и желает именно такого восприятия потерпевшего [76, с. 24]. В данном случае важно осознание угрозы и самим потерпевшим, и хулиганящим лицом. При этом последующее развитие событий остается для И.А. Тяжковой за гранью исследования.

По мнению Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова, если у потерпевшего возникает страх и опасения ввиду демонстрации ему оружия или используемых в этом качестве предметов, восприятия реальности угрозы, то таковая всегда будет квалифицироваться как угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья [22, с.101].

Вполне справедливым является уточнение А.В. Петрянина относительно того, что квалифицирующим органам неважно, насколько сильным было намерение субъекта осуществить угрозу, важно лишь восприятие потерпевшими реальности данной угрозы [62, с. 11].

На этом проблемы с определением положения оружия в уголовно наказуемом хулиганстве не закончились. Ряд исследователей [77, с.9] отмечает, что в случае посягательства на общественный порядок с использованием оружия для уничтожения или повреждения чужого имущества, квалификация деяния не может проводиться по ст. 213 УК РФ кроме сопряженности таких действий с реальной возможностью причинения вреда здоровью граждан. Но проведенный выше анализ нормативной дефиниции и целевого назначения оружия, а также современной редакции п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что в приведенном случае даже при отсутствии угрозы жизни или здоровью граждан, речь идет о хулиганстве в том понимании, которое в него вкладывает ст. 213 УК РФ. В случае же, если состав приобретает материальное содержание и сопровождается опасными последствиями в виде

причинения значительного ущерба потерпевшему, происходит дополнительная квалификация по ч. 2 ст. 167 УК РФ.

В равной мере хулиганскими являются действия, когда оружие применялось, а угроза для жизни и здоровья граждан, а также отношений собственности, создана не была. В данном случае необходимо установить факт того, что окружающие воспринимали их как угрозу безопасности и выражение явного неуважения к обществу. Примерами здесь могут служить стрельба в воздух, по колесам автомобиля и т.д. Но, как добавляют ученые, в данном случае лицо должно осознавать факт грубого нарушения своими действиями общественного порядка и проявления явного неуважения к обществу и сознательно желать этого [77, с.7].

Относительно отсутствия в современной диспозиции п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ словосочетания «попытка применения оружия», имевшего место в ч. 3 ст. 206 УК РСФСР 1960 г. [13], укажем, что сегодня нет необходимости в дополнительном указании на данную возможность. Поскольку состав хулиганства является формальным, момент его окончания связан с началом применения оружия или предметов, используемых в качестве такового. Соответственно, данный признак объединяет в себе все другие действия, которые не образуют «полный» состав хулиганства, включая попытку применения таковых, особенно когда действия сопровождаются комментариями виновного (словесная угроза убийством – обнажение ножа – нападение с ножом и т.д.). Как уже указывалось, эта угроза должна осознаваться участниками хулиганства.

Отметим, что грубость нарушения общественного порядка и проявившееся при этом неуважение к обществу при хулиганстве определяются не только способом, но и во многом обстановкой совершения деяния. Названные категории являются факультативными признаками объективной стороны хулиганства.

С.А. Иванчина предлагает определять последний признак как «обстоятельства, в которых или при наличии которых совершается

преступление» [32, с. 116]. Следуя логике уголовного закона данный признак нужно считать факультативным при характеристике объективной стороны деяния, поскольку он непосредственно не назван в ст. 213 УК РФ. Несмотря на это, игнорировать его нельзя, поскольку его правильное определение будет играть роль при квалификации преступного хулиганства. В частности, имея представление об условиях совершения преступления, равно как и способах и последствиях таковых, судебно-следственные органы могут дать более точную оценку степени грубости нарушения общественного порядка, выраженности неуважения к обществу, уточнить преступную мотивацию, что позволит отграничить данное деяние от смежных составов преступлений.

Определение побудительного мотива хулиганства в ч. 1 ст. 213 УК РФ возможно при наличии таких обстоятельств, когда действия субъекта объективно направлены не только на интересы конкретного человека, но и всего социума. Это такая обстановка, при которой имеется реальная или потенциальная очевидность угрозы для безопасности общества, даже если по стечению обстоятельств к посягательству не было привлечено внимание людей.

С учетом приведенных выше рассуждений о правовой природе объективной стороны хулиганства, становится ясно, что оно совершается только путём активных действий [38, с.151]. Но это не совсем точно, поскольку преступное хулиганство, как думается, может быть совершено несколькими соучастниками. Соответственно, в таком преступном коллективе могут быть распределены роли. При наличии предварительного сговора или более сложной структуры преступной группы кроме организатора, исполнителя, подстрекателя может принимать участие пособник, деяние которого будет иметь совершенно иной характер.

Итак, первоочередным признаком объективной стороны преступного хулиганства выступает совокупность грубого нарушения общественного порядка при явно выраженном неуважении к обществу. Для констатации хулиганства необходимо также присутствия в его составе хотя бы одного из признаков – применение оружия или предметов, используемых в таком

качестве, мотивация ненавистничества в отношении определенных социальных групп либо совершение его на объектах общественного транспорта. Что касается первого из названных признаков, то его содержание нуждается в уточнении Верховного Суда РФ путем расширения толкования предметов, используемых в качестве орудия в связи с современными достижениями науки и технологий. Соответственно, место совершения хулиганского преступления включает в себя сегодня не только какой-то материальный объект, но и виртуальное пространство. В правоприменительной практике при квалификации деяния непременно надо установить его публичность, означающее не только место совершения преступления, но и наличие там посторонних лиц, не вовлеченных в конфликт.

2.2 ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА

Еще одну группу признаков любого хулиганства составляют те из них, которые связаны с личностью виновного. Это субъект и субъективная сторона деяния. Традиционно субъектом преступления является лицо, которое и реализовало преступный умысел, совершив деяние. Общий субъект отвечает признакам: 1) физическое лицо, то есть человек; 2) вменяемость; 3) достижение возраста, установленного уголовным законом. Лицо, обладающее одним или несколькими дополнительными характерными чертами, признается специальным субъектом. Исходя из того, что при хулиганстве субъект преступления является общим, признакам специального субъекта внимание в настоящем исследовании уделяться не будет.

Вопрос о субъекте хулиганства в науке уголовного права особых дискуссий не вызывает. Рассмотрение общих признаков субъекта в рамках данной работы также вряд ли целесообразно. В этом плане субъект типичен, как типичны и присущие ему признаки [61, с.130]. При всем этом он может обладать теми чертами, которые, встречаясь и в других составах преступлений,

у хулиганов проявляются наиболее ярко. Более того, эти признаки настолько часты, что начинают приобретать характер типичных. Рассмотрим их.

Во все времена вызывало немало споров состояние опьянения лица, совершившего хулиганства, ведь, преимущественно, именно в таком состоянии и происходит преступное посягательство. Данный тезис подтверждается приведенными статистическими данными, указывающими на то, что около 90 % хулиганств находились под воздействием алкоголя в момент реализации своих преступных деяний. В медицинских исследованиях отмечается, что употребление алкоголя, особенно в больших количествах, резко снижает уровень критичности к своему поведению и повышает чувства самоуверенности, храбрости, бахвальства, агрессии прямым следствием чего и являются драки и хулиганства. Исходя из здравого смысла, это не должно уменьшать степень вины хулигана, ведь он сам намеренно способствует изменению своего сознания путем употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. Законодатель справедливо указал в ст. 23 УК РФ, что судебно-следственные органы при квалификации деяния привлекают пьяного хулигана к уголовной ответственности на равных с другими основаниях, не смягчая и не повышая степень его вины.

Однако не все современные исследователи согласны с такой юридической позицией, поскольку считают, что состояние опьянения усугубляет ситуацию и влияет на совершение личностью более дерзких поступков, нежели пребывание в обычном трезвом состоянии. Они настаивают на возвращении к формулировке п. 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г., где такое состояние находилось в перечне обстоятельств, отягчающих наказание [28, с. 23]. Современная редакция ст. 63 УК РФ 1996 г. такого указания не содержит. Безусловно, подобные замечания исследователей логичны и вполне справедливы. Но ведь введший себя в состояние опьянения человек уже наказал себя тем, что совершил более тяжкое преступление, чем если бы он находился в обычном состоянии. Кроме вреда самому себе, от употребления виновным алкоголя не пострадал больше никто. Вред причинен не самим

фактом употребления алкоголя, а поступком, совершенным как следствие опьянения. И он понесет ответственность на основании той части ст. 213 УК РФ, под которую попадает его деяние. Поэтому в данном случае дополнительно наказывать лицо за нахождение в каком-либо состоянии было бы возложением на него двойной вины.

Но нельзя сказать, что состояние опьянения совершенно не учитывается судом при назначении наказания признанному виновным хулигану. И такие примеры есть в судебной практике. Так, в ходе конфликта С., находящегося в состоянии алкогольного опьянения с другими посетителями автомойки самообслуживания виновный по надуманному поводу громко оскорблял автовладельцев, нецензурно выражаясь в их адрес. Не удовлетворившись оскорблениями потерпевших, С. достал имеющееся у него при себе охотничье ружье и выстрелил в воздух рядом с потерпевшими. Затем он начал стрелять по колесам выезжающих с автомойки автомобилей потерпевших. Не успокоился С. и при виде вызванного потерпевшими сотрудника полиции, которого он толкнул в грудь, после чего схватил его за левую руку и пытался повалить на пол. Действия разбушевавшегося хулигана удалось пресечь лишь пришедшим на помощь полицейским водителем группы сопровождения следственно-оперативной группы и следователем.

В процессе следствия и в судебном заседании было установлено, что алкогольное опьянение С. выступило в качестве условия для совершения им преступления, обусловив выбор им незаконного варианта своего поведения, а также дерзость поступка, нападение на представителя власти. В этом случае состояние опьянения признано судом обстоятельством, отягчающим наказание, что было отражено в судебном приговоре и повлияло на выбор размера и места отбывания наказания [101].

И, наконец, еще один признак, нуждающийся в установлении при характеристике субъекта хулиганства, это установленный уголовным законом возраст привлечения к уголовной ответственности. И здесь уже имеются полярные точки зрения, которые отстаивают разные ученые. В соответствии с

ч. 1 ст. 20 УК РФ «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста». Уголовная ответственность за хулиганство, предусмотренное ч. 1 ст. 213 УК РФ, устанавливается именно с 16 лет, а за квалифицированные виды этого преступления (ч. 2 и ч. 3 ст. 213 УК РФ) - с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). При этом сравнивая характеристики основного (хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия) и особо квалифицированного составов (хулиганство, совершенное с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств), следует отметить, что степень осознания 14-летним подростком общественной опасности данных деяний вряд и будет существенно отличаться. На основе подобных рассуждений, а также учитывая первоначальную редакцию ч. 3 ст. 213 УК РФ, из которой Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ произошло перемещение признаков в часть первую этой статьи, некоторым исследователям представляется обоснованным и, как минимум, последовательным, установление уголовной ответственности за хулиганство, независимо от его вида, с четырнадцатилетнего возраста.

Признавая разумность отдельных рассуждений авторов, отметим все же, что признаки, определяющие деяние как преступное, в ч. 1 ст. 213 УК РФ названы альтернативно и предполагают констатацию состава преступления при наличии хотя бы одного из них (п. «а», п. «б», или п. «в»). Поэтому становится нелогичным распространять нормы о снижении возраста уголовной ответственности, как минимум, на хулиганство по определенным мотивам или на определенных видах транспорта без использования оружия.

Оружие же в руках хулигана все же должно, как и прежде, рассматриваться более тяжким преступлением, нежели хулиганство без его использования. Степень опасности и возможного вреда здесь существенно выше. На основе этого необходимо рассмотреть вопрос о дополнении ст. 21 УК РФ, содержащей перечень составов преступления, при совершении которых снижается возраст привлечения к уголовной ответственности, указанием на то,

что с 14 лет таковая наступает за хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ). Следует отметить, что снижение возраста уголовной ответственности за вооруженное хулиганство до 14 лет не нарушит общего тренда гуманизации российского законодательства, поскольку действующий Уголовный Кодекс РФ содержит достаточно положений, смягчающих ответственность несовершеннолетних (ст. 90, п. «б» ч.1 ст. 61 УК РФ) и учитывающих уровень их психического развития (ч. 3 ст.20 УК РФ). В то же время это позволит понять в более раннем возрасте, что такое поведение не одобряется государством и влечет существенные правоограничения.

Итак, субъект хулиганства, как обязательный элемент состава данного преступления, не обладает какой-либо спецификой по сравнению с другими общими субъектами, и должен отвечать всем трем признакам, необходимым для определения его в этом качестве : принадлежность к человеческому роду, наличие физического тела; достижение определенного возраста, вменяемость. Поскольку уже в 14 лет лицо способно осознавать опасность, исходящую от оружия и его применения, необходимо понизить возраст уголовной ответственности за хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Субъективная сторона преступления – еще один обязательный признак состава любого преступления, нуждающийся в установлении. Как уже указывалось, он тесно связан с личностью самого виновного и подразумевает психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, запрещенному уголовным законом [52, с. 118]. Формами выражения такого психического отношения выступает вина, а также мотив, цель и эмоции, первое из которых является обязательным, необходимым для установления в каждом составе преступления, признаком субъективной стороны, а остальные являются факультативными, способными приобрести статус обязательных.

Хулиган будет подлежать уголовной ответственности только тогда, когда виновность его действий будет установлена соответствующими органами (ст. 5

УК РФ). При невозможности установления вины или отсутствие необходимых признаков привлечение лица к уголовной ответственности недопустимо.

Не вдаваясь в теоретические рассуждения о терминах и структуре, поддержим точку зрения большинства учёных, которые единственно возможной формой хулиганской вины называют прямой умысел [84, с. 195]. Учитывая же современную редакцию ст. 213 УК РФ, а именно – формальность состава хулиганства, вопрос о форме вины не может быть решён иначе.

Вина – сложноэлементное образование в составе психики, которое объединяет в себе сознание и волю. Соответственно, выделяется два момента вины: интеллектуальный и волевой, характер которых определяет форму вины [55, с.67].

Проявления интеллектуального элемента умышленной вины заключаются в полном осознании лицом всех характеристик реализуемой им объективно стороны. Безусловно, речь идет не о самоанализе поведения со стороны виновного, но о полном общем понимании им грубости и дерзости своего поведения [68, с. 12].

Волевой элемент умысла определяется исходя из характеристики состава преступления как формального. В данном случае речь идет о наличном, возникшем без какого-либо понуждения, желании и намерении лица [25, с. 47]. В силу самой своей природы такое желание всегда осознанно и лежит в основе прямого умысла на совершение запрещенных действий [16, с. 151-152]. Это непреодолимое и реализованное желание грубо нарушить сложившийся в обществе порядок путем проявления явного неуважения к нему. Такое положение утверждается и высшей судебной инстанцией, непосредственно указавшей на наличие прямого умысла в действиях хулигана [86, п. 13].

В текущих материалах судебной практики эта позиция нашла безусловную поддержку. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Смоленского областного суда не усмотрела признаков хулиганства (п. «а» ч.1 ст. 213 УК РФ) в действиях В., который после завязавшейся с другими посетителями кафе ссоры, сделал рукой резкое движение к поясу под курткой.

Другой участник конфликта, по-своему интерпретировав данное движение, нанес ему удар в лицо, что привело к драке. После попыток других участников конфликта оттащить В. в сторону, последний начал стрелять в них из травматического пистолета.

В судебном заседании установлено, что В. применил оружие только после того, как К. первым нанес тому удар, и между ними завязалась потасовка. Однако суд первой инстанции ошибся в квалификации данного деяния как хулиганства, поскольку прямого умысла на нарушение общественного порядка у В. не было. Он использовал оружие против конкретных лиц на почве личных неприязненных отношений, которые возникли в ходе конфликта. Именно такой вывод сделал суд второй инстанции [89].

При рассмотрении субъективной стороны хулиганства большое значение принимает определение мотива содеянного.

Мотив в уголовно-правовом значении обычно определяется как побуждение, которым руководствовалось лицо, совершая преступление. Представляется, что с точки зрения полноты определения и приемлемости для исследовательских целей под мотивом следует понимать «обусловленные потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствуется при его совершении» [83, с. 16].

Поскольку установления мотива при хулиганстве является альтернативно обязательным признаком, то отсутствие его за неимением других альтернативных признаков повлечет и отсутствие самого состава преступления. В этом случае мотив совершения деяния, вызванный ненавистью лица по признакам приверженности к той или иной идеологии, политических взглядов, принадлежности лица к определенной расе, нации или социальной группе, непременно нуждается в установлении. Причем, укажем, что хулиганство как преступление против общества может быть квалифицировано и при наличии ненависти к определенному человеку, но только в случае, когда эта ненависть обусловлена не личной неприязнью, а отнесением лица к определенной

социальной группе. Личность конкретного потерпевшего в данном случае для хулигана роли не играет. Речь идет о системе негативного отношения ко всем людям, которые относятся к ненавистной группе [55, с. 68].

Определение – «какая-либо социальная группа», – подразумевает, что перечень оснований для ненависти чрезвычайно широк и не может быть исчерпывающе обозначен [40, с. 68]. Эта ненависть может распространяться, кроме названных, например, в отношении сексуальных меньшинств, приверженцев определенных взглядов или образа жизни, адептов определенной веры и т.д.

В понимании Ю. И. Ляпунова, мотив хулиганства должен отвечать следующим признакам – стремлению лица к демонстрации пренебрежительного отношения к социальным нормам [53, с. 45], их общепринятость при отсутствующем внешнем поводе для преступления. Как правильно указывалось в уголовно-правовой литературе, «деяние не может квалифицироваться как хулиганство, если оно совершено по существенному поводу, как ответная реакция на такое поведение потерпевшего или иных лиц, которым нарушались важные общественные или личные интересы» [39, с. 92].

Указав в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ в качестве одного из альтернативных признаков совершение хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, законодатель, тем самым, закрепил возможность совершения хулиганства как безмотивного преступления (если в нем присутствует хотя бы один из признаков, предусмотренных п.п. «а» или «в» этой же нормы). Однако таким безмотивным хулиганство является лишь для правоприменителя. В любом случае хулиганом что-то движет, что-то побуждает его к совершению своих незаконных действий, только это «что-то» не будет влиять на квалификацию содеянного.

Мотив определяет цель деяния, а вместе они служат основой, на которой формируется вина, указывают на направленность умысла. Соответственно, при

хулиганстве объектом его направленности служит общественный порядок, а конкретные действия как проявления преступной активности является лишь способом такого нарушения.

Цель хулиганства как образ желанного будущего, также не нуждается в обязательном установлении в хулиганском преступлении. Это обусловлено все той же формальностью состава преступления. В понимании разных исследователей целью хулиганства может быть сам факт совершения преступных действий [28, с. 14], наступление желанного результата (и в этом случае она дополняет формальный состав материальными признаками) либо процесс – проявление явного неуважения к обществу [66, с. 81]. В последнем случае цель может быть связана с теми последствиями, которые находятся за гранью состава преступления, что не противоречит формальной его характеристике [71, с. 66].

При всей факультативности данного признака, определение целевых ориентиров виновного является одной из важных задач для субъектов правоприменения, поскольку позволяет с большей точностью установить признаки деяния, а также выявить те из них, которые отличают его от сходных преступлений. Констатация цели позволяет не просто квалифицировать деяния, но и определять их родовую и видовую принадлежность. Так, установление, например, цели отомстить обидчику, переводит хулиганское деяние из разряда преступлений против общественного порядка в ранг преступлений против личности. И, наоборот, отсутствие цели в том преступлении, где она выступает в качестве обязательного признака, позволяет квалифицировать данное деяние по ст. 213 УК РФ.

Обобщая изложенное, подчеркнём, что современный состав хулиганства характеризуется прямой умышленной формой вины. Виновный осознает, что своими действиями, игнорируя урегулированные нормами морали и права общепризнанные правила поведения, грубо нарушает общественный порядок и спокойствие граждан и желает их нарушить, выразив явное неуважение к обществу, его правилам поведения, нравственным нормам. Если хулиганские

действия совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, то в данном случае мотив приобретает значение обязательного признака субъективной стороны деяния и напрямую влияет на квалификацию содеянного.

2.3 ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ И ОСОБО КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ХУЛИГАНСТВА

При формулировке и многократном редактировании квалифицированных составов хулиганства законодатель, как правило, исходит из того, что при наличии определенных обстоятельств, вызванных деятельностью виновного, тяжесть деяния увеличивается, что связано с более опасным воздействием на общественные отношения.

На сегодняшний день такими признаками, которые усугубляют степень вины, а, значит, влекут и более суровое наказание для виновных, выступают массовость организованного участия в совершении хулиганства, а именно – совершение его группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Кроме того, усугубляет вину хулиганов сопротивление, которое они оказывают представителям власти (в частности, сотрудникам полиции, ФСБ, судебным приставам) либо другим лицам, в обязанности которых входит охрана общественного порядка (в их числе, например, лица, временно привлеченные для охраны общественного порядка, казаки) или любые иные лица (не представляющие власть), которые своей волей решили пресечь нарушение общественного порядка (случайные прохожие, попутчики и т.д.).

В свою очередь, перестали влиять на степень вины совершение группового хулиганства лицами, которые заранее не сговаривались о совместном совершении преступления, а также совершение повторного

хулиганства лицом, которое уже имеет судимость по аналогичной статье УК РФ.

Анализируя квалифицированное групповое участие в хулиганстве, которое мало чем отличается от других групповых преступлений, укажем, что на предварительность сговора между соучастниками указывает предшествующая непосредственно преступным действиям договоренность о совершении преступного деяния, идентичность желаний, стремлений участников группы относительно хулиганства. Требования к форме преступного сговора не установлено, что означает возможность его вербальной (устной и письменной) и невербальной реализации [70, с.78]. Важно, что предварительность сговора относится не менее, чем к двум договаривающимся и по поводу каждого конкретного признака преступления (где / в каком месте оно будет совершено, с помощью чего, будет ли использоваться оружие и какое конкретно т.д.)

Не имеет значения, всеми ли лицами, договорившимися о совершении такого преступления, применялись оружие или предметы, используемые в качестве оружия. Например, по делу А. квалифицирующий признак хулиганства «с применением ножа, используемого в качестве оружия», исключен из приговора. Установлено, что А. совершил хулиганские действия в отношении потерпевшего К. вместе с осужденным по делу Г., который был инициатором, у него же был нож, который он использовал при совершении преступления. Осужденный А. ножа не брал и не применял, предварительной договоренности с Г. о его применении у него не было [102].

В случае если одно лицо в ходе совершения совместных противоправных действий при отсутствии предварительного сговора с другими участниками преступления применило оружие или предметы, используемые в качестве оружия, либо продолжило хулиганские действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо

социальной группы, содеянное им при наличии к тому оснований подлежит квалификации по соответствующему пункту ч. 1 ст. 213 УК РФ (ст. 36 УК РФ).

Действия других участников, не связанных предварительным сговором и не применявших оружие или предметы, используемые в качестве оружия, а также не совершавших преступные действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, не образуют состава указанного преступления. При наличии к тому оснований такие действия могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ).

Особенностью судебной практики по данному вопросу является то, что, решая вопрос о наличии в деянии признаков группы лиц правоприменитель исходит из того, что она будет наличествовать лишь при соисполнительстве и отсутствовать при иных формах соучастия, на что прямо указано в обзоре кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ [103]. Однажды дав такое разъяснение, высший суд периодически отступал от него [30], продолжая, однако, утверждать первоначальную позицию, которая и укрепились в практической деятельности. Закрепилось положение о наличии группы лиц, имеющих предварительную договоренность о совместном совершении преступлений, в действиях лишь соисполнителей и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. Все остальные лица, участвующие в преступлении в ином качестве, признаются обычными соучастниками без группового признака [75, с. 537].

Неоднозначность данного решения связана не только с определением роли в соучастии, но и с конкретным видом группового участия. В отличие от предварительной групповой договоренности, Пленум считает необходимым констатировать признак группового преступления в действиях всех без исключения членов организованной группы, независимо от роли, которую они играют в преступлении [75, с. 538].

Такое положение правоприменителя привело к неоднозначной ситуации, когда при предварительной договоренности и распределении ролей перед совершением преступления его участники не будут образовывать группу и нести соответствующее повышенное наказание. В то же время сам факт участия в совершении преступления организованной группой, независимо от роли (даже довольно незначительной, связанной с выполнением минимально опасных для общества действий), образует групповое соучастие, соответствующим образом наказываемое.

Теоретики уголовного права идут по стопам правоприменителя, повторяя в своих трудах положения судебных постановлений [49, с. 32]. К признакам, позволяющим утверждать наличие совместного хулиганства, совершенного по предварительной договоренности, А.В. Рагулин относит осознание со стороны каждого из участников грубости своего поведения, нарушающего общественный порядок; демонстрации неуважения к социуму, являющейся явной и однозначной для окружающих; осознание относительно совместной реализации общих признаков хулиганства (применение оружия, соответствующий мотив, объект транспорта), осознание совместной реализации преступного умысла наравне с другими участниками и потребность, желанность наступления вредного результата. Отсутствие хотя бы одного из обязательных признаков в деянии хотя бы одного из лиц, совместно участвующих в совершении преступления, влечет непризнание деяния групповым хулиганством (применительно лишь к данному лицу).

Лишь этот вывод является логичным и единственно возможным при наличии описанных выше правоприменительных разъяснений. Но при всей его логичности признать справедливым такое решение вряд ли возможно. В моделируемой ситуации, когда двое участников демонстрируют при совершении хулиганства оружие, а третий – лишь кулак, последний может избежать уголовной ответственности вообще, будучи наказанным лишь в административном порядке. Первые же два субъекта, даже не пустившие в ход, но представившие окружающим свое оружие, не просто понесут уголовное

наказание, а еще и по признакам группы лиц. Не менее двоякая ситуация может сложиться и при наличии ненавистной мотивации поведения у двух участников совместного преступления и отсутствии ее у остальных, которые могут вести себя гораздо более опасно [44, с. 153]. Здесь нельзя даже сказать о противоречии между буквой и духом закона, поскольку описанная ситуация в отсутствие четкого законодательного предписания порождает лишь соответствие букве правоприменителя.

Но и правоприменитель в своих разъяснениях, как уже отмечалось, бывает непоследователен. Это продемонстрировано в п. 5 Постановления пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершённых из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. В данном разъяснении речь идет о том, что на практике для суда должно быть неважным, все ли совместно участвующие в хулиганстве лица применяли оружие, чтобы деяние было квалифицировано как групповое преступление. Важен факт осознания этого каждым из субъектов. На первый взгляд, это более справедливо, логично и правильно. Но вновь это лишь иллюзия, поскольку нормы закона говорят не об осознании или ином способе использования мыслительной деятельности, а о конкретном физическом действии – применении оружия, которое либо должно применяться каждым, и группа будет, либо не всем – и тогда может не быть не просто группы, но и преступления в целом.

Анализ законодательных признаков соучастия и группы лиц позволяет прийти к выводу о том, что они обладают сходными признаками и, соответственно, не должны по-разному влиять на квалификацию деяния. Это приводит к последующей мысли о необходимости законодательной правки отдельных норм УК РФ для приведения их в соответствие с друг другом и правоприменителем. Для этого предлагается изложить ст. 32 УК РФ в такой редакции: «соучастием в преступлении признаётся умышленное совместное участие двух или более лиц (группа лиц) в совершении умышленного преступления».

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений».

Организованная группа это еще более сложное и опасное объединение лиц, нежели все описанные выше. Ее главный признак – устойчивость, - придает группе стабильно опасный характер [55, с.69-70]. Для квалификации совершенно незначителен тот факт, создана ли группа специально для совершения хулиганств или любых других преступлений. Сам факт ее организованности для общественно опасных нарушений социальных норм делает ее организованной.

«Каждый участник подобного объединения должен сознавать, что он входит в организованную группу, участвует в выполнении части или всех взаимно согласованных действий и осуществляет совместно с другими участниками единое преступление с распределением ролей, по заранее обусловленному плану» [34, с. 122].

Анализ всех теоретических рассуждений позволяет сделать вывод о том, что факт наличия (отсутствия) организатора, на чем настаивают определенные исследователи, [36, с. 85], зачастую не является признаком организованности группы. Для нее во многих случаях достаточно общего совместного решения со стороны нескольких или всех членов группы [65, с. 85]. Не совсем верным представляется последняя мысль исследователя, ведь однозначно определить наличие устойчивости можно, как правило, по наличию этого самого организатора и его авторитарном принятии преступных решений.

Из такой противоречивой ситуации своеобразный выход нашёл Пленум Верховного Суда РФ, который в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», указав, что «организованная группа - это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств». Поскольку, по мнению высшей судебной инстанции, планирование этого тяжкого преступления с распределением ролей, является важным этапом реализации

преступного умысла, соответственно факт организованности группового убийства обуславливает квалификацию действий всех ее участников как соисполнительство, независимо от того, что конкретно они делали в рамках данного преступления [13, с.393]. Данное разъяснение суды, применяют на практике и при квалификации иных преступлений.

Как и при любой другой форме группового участия в совершении преступления, хулиганство, в том числе в его организованном варианте, может сопровождать эксцесс исполнителя [16, с. 74], ответственность за который наступает только для лица, реализовавшего не запланированные иными участниками действия (ст. 36 УК РФ).

Существование описываемой ситуации порождает различные варианты ее развития, которые нередко ставят в тупик правоприменителя и нуждаются в более детальном рассмотрении.

Первая из них возможна в ситуации совместной договоренности на совершение хулиганских действий, в процессе достижения которой не вставал вопрос о применении оружия или иных предметов, используемых в качестве такового. Однако в процессе реализации преступного умысла один из соучастников, не дожидаясь одобрения остальных, но и не встречая сопротивления с их стороны, применил имеющееся при нем оружие.

Вторая ситуация сходна первой, с той лишь разницей, что во время реализации преступного умысла один из соучастников, достав оружие, встречает одобрение подельников и применяет его в отношении потерпевшего, хотя предварительной договоренности об использовании оружия не было.

Для демонстрации первой ситуации можно привести пример из практики Преображенского районного суда г. Москвы, признавшего групповое хулиганство по признакам ч. 3 ст. 213 УК РФ. Один из участников, заранее договорившись с напарником, нанес удары пострадавшим женщинам, которые причинили им лёгкий вред здоровью. Другое лицо в это время удерживало старавшегося прийти на помощь мужчине, приставив к горлу последнего нож.

Затем хулиганы сбили защитника девушек с ног и нанесли удары ногами, причинив ему физическую боль.

Приговор был опротестован в Московском городском суде с постановкой вопроса о переквалификации действий первого лица с ч. 3 ст. 213 УК РФ на пп. «а», «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ. Данный протест удовлетворен.

Суд, правильно установив фактические обстоятельства совершения лицом хулиганства, дал его действиям ошибочную юридическую оценку.

Так, по смыслу закона под применением оружия и других предметов, используемых в качестве оружия, при совершении хулиганства следует понимать фактическое их использование как средство насилия над потерпевшим, создающего реальную угрозу его жизни и здоровью.

Однако в действиях подсудимого не установлено применения оружия, ни других предметов, используемых в качестве такового. Более того, он, решив совместно совершить хулиганство, не договаривался со своим подельником об использовании ножа в отношении потерпевших. И, возможно, даже не знал о его наличии. Соответственно, действия хулиганов были переквалифицированы: первого подсудимого – с ч. 3 ст. 213 УК РФ на пп. «а», «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, а второго – признаны эксцессом исполнителя.

Таковым был судебный приговор, основанный на предыдущей редакции ст. 213 УК РФ. Сегодня же с учетом законодательных реалий действия первого подсудимого вообще не будут являться уголовно наказуемым хулиганством, а явят собой лишь административное правонарушение. Действия же его подельника, помимо ч. 1 ст. 213 УК РФ, подлежат квалификации за нанесение побоев и причинение вреда здоровью, также по ч. 2 ст. 115 и дважды по ч. 2 ст. 116 УК РФ [88].

Поэтому в процессе квалификации первой из предложенных ситуаций применение лицом при хулиганстве оружия, расценивается как эксцесс исполнителя и не вменяется в вину иным соучастникам. Во втором же случае совместное преступление условно подразделяется на две стадии, границей между которыми становится одобрение остальными соучастниками решения

одного из хулиганов об использовании оружия. С этого момента деяние приобретает иное содержание, поэтому преступление в целом необходимо оценивать как реальную совокупность двух преступлений, последнее из которых представляет собой групповое хулиганство. Соответственно, квалификация должна осуществляться отдельно в отношении каждого из деяний. Несмотря на это, степень причиненного вреда (если таковой наступает) на каждой стадии, ни в коем случае не суммируется, а представляет собой единое целое и учитывается отдельно, но в рамках данного преступления.

Хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка, представляет собой еще один квалифицированный состав анализируемого деяния.

Объективная сторона деяния достаточно содержательно и исчерпывающе описана в диспозиции. При квалификации необходимо учитывать, что сопротивление вышеуказанным лицам происходит именно в рамках хулиганства и при попытках его пресечь. В случае же, когда преступный замысел на осуществление хулиганства уже реализован и виновный сопротивляется на стадии его задержания, рассматриваемый квалифицирующий признак отсутствует, и содеянное подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке [32, с. 269]. В последнем положении речь идет о ст. 318 УК «Применение насилия в отношении представителя власти», по отношению к которой анализируемая ситуация представляет собой частично специальную норму. Если в отношении представителя власти особых вопросов не возникает, поскольку признаки последнего названы законодателем в ст. 318 УК РФ, то в качестве иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка, может выступать военнослужащий или казак, задействованный в данных мероприятиях. Как правило, это происходит при массовых гуляниях, во время которых и происходит значительное число хулиганств и иных нарушений общественного порядка.

Основываясь на разъяснениях высшей судебной инстанции относительно полномочий сотрудников полиции, предусмотренных п. 11 ст. 12 Федерального закона «О полиции», не имеет значения, охранял ли полицейский общественный порядок согласно штатному расписанию и графику дежурств или самостоятельно решил пресечь преступление в неслужебное время.

Что касается пресечения хулиганских действий и оказываемого при этом сопротивления, то здесь абсолютно не имеет значения, кто выступил на стороне охранителя общественного порядка. Это может быть любое лицо, способное осуществлять пресечение хулиганских действий. Как представляется, способность лица к пресечению хулиганства является важной категорией, нуждающейся в проверке ее наличия. Вряд ли малолетний ребенок, или беспомощный человек, вставший на пути хулигана, будут представлять для него серьезное препятствие по реализации своего преступного умысла. Этих лиц достаточно просто оттолкнуть или пройти мимо и преступные планы не будут сорваны. В таком случае деяние хулигана не будет квалифицировано по ч. 2 ст. 213 УК РФ. Способностью к пресечению хулиганских действий должны признаваться физически сильные лица или лица, имеющие при себе оружие или предметы, с помощью которых можно остановить хулигана. Хотя не исключены случаи, когда слабые женщины или престарелые люди могут дать достойный отпор. Поэтому способность лица к пресечению нарушения общественного порядка является довольно абстрактной категорией и нуждается в тщательном изучении при каждом случае хулиганства.

Также заметим, что пресечение хулиганства, как и само это преступление, в большинстве своем связано не с просьбами, советами и уговорами, а с активными решительными действиями, включая применение физической силы, направленными на прекращение преступной активности хулигана.

Сопротивляться представителю власти виновный может лишь в случае совершения им уголовно наказуемого хулиганства. В отсутствие же признаков такового, квалификация поведения проводится по правилам административного законодательства, а сами действия сопротивления, если они выходят за рамки ч.

2 ст. 20.1 КоАП РФ, нуждаются в самостоятельной квалификации по соответствующим статьям УК РФ (например, ст. ст. 115, 116, 318 УК РФ).

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45 под сопротивлением представителю власти или иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка, следует понимать «умышленные действия лица по преодолению законных действий указанных лиц, а также действий других граждан, пресекающих нарушение общественного порядка, например при задержании лица, совершающего хулиганство, его обезоруживании, удержании или воспрепятствовании иным способом продолжению хулиганских действий» (п. 8 постановления).

Итак, из закона и правоприменительной практики явно видно, что сопротивление, оказываемое хулиганом, представляет собой активные действия, направленные на устранение препятствий со стороны третьих лиц к реализации хулиганского замысла. Сопротивление не может быть актом пассивного поведения, как и в целом, все преступление хулигана. Поэтому следует признать несостоятельной позицию исследователей, которые предлагают в качестве разновидности сопротивления представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка квалифицировать отказ лица прекратить хулиганские действия. Сам по себе отказ, выраженный вербально или невербально, не представляет общественной опасности. Более того, слова или жесты хулигана вполне могут не соответствовать осуществляемым им параллельно или в последующем действиям. Опасны сами действия сопротивления, активность хулигана, направленная на преодоление пресекательных действий со стороны описанных в ч. 2 ст. 213 УК РФ лиц. Действия хулигана должны затруднять либо исключать возможность его усмирения со стороны иного лица [46, с.9].

Другой случай – когда лицо не повинуется полицейскому или иному лицу, охраняющему общественный порядок (например, отказ остановиться при переходе улицы в неположенном месте, прекратить курить в общественном месте, предоставить документы, удостоверяющие личность), в отсутствие умысла на совершение хулиганства. Такие случаи не содержат в себе признаков преступления и подпадают под действие административного законодательства.

Так, например, Хахулин А.А. находясь в салоне троллейбуса, то есть в общественном месте, начал выражаться грубой нецензурной бранью, тем самым нарушил общественный порядок, а когда У. В.В., также находящийся в салоне указанного троллейбуса потребовал прекратить данные действия, то есть пытался пресечь нарушение общественного порядка, Хахулин А.А., продолжая выражаться нецензурной бранью, проявляя явное неуважение к обществу, умышленно нанес У. В.В. один удар находящейся у него в руках стеклянной бутылкой, емкостью 0,75 литра, в область головы, тем самым, используя указанную бутылку в качестве оружия, причинил потерпевшему ссадину лобно-теменной области. Хахулин признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст.213 ч.2 УК РФ, ему назначено наказание в виде 1 (одного) года лишения свободы. На основании ст.73 ч.1,3,5 УК РФ назначенное наказание считать условным с испытательным сроком на 1 (один) год [92].

Изложенные выше теоретические рассуждения, моделируемые ситуации, подтвержденные практическими примерами, приводят к мысли о том, что уголовно-правовая категория «сопротивление» является более широким понятием по отношению к «применению насилия». Такое широкое содержание, во многом, и обуславливает отсутствие единства мнений по поводу его внешнего выражения. Это является не вполне отвечающим потребностям уголовного права, стремящегося к максимальной точности как в терминах, так и в теоретических аспектах конструирования специальных составов преступлений в УК РФ.

Существование подобного положения, помимо теоретического и практического неудобства, являет собой пример слабости законодательной техники и архаизмов в УК РФ. Последнее связано с тем, что предыдущий уголовный закон, действовавший совсем в других общественных условиях (советская система правосознания и мировоззрения) определял сопротивление в качестве преступного деяния в ст. 191.1 УК РСФСР «Сопротивление работнику милиции или народному дружиннику» [12]. В тех условиях это было вполне оправданным, соответственно и в качестве квалифицирующего признака хулиганства.

Сегодня же потребности правовой практики требуют пересмотра наименования и содержания устоявшихся правовых категорий. Требованиям времени отвечает термин, содержащийся в ст. 318 УК РФ – «применение насилия в отношении представителя власти..». Как представляется, именно он должен занять место в ч. 2 ст. 213 УК РФ как наиболее отвечающий современным реалиям.

Также существование рассматриваемого квалифицирующего признака влечет и правоприменительные проблемы другого рода. Следуя правилам квалификации преступлений по совокупности, в случае хулиганства, которое сопровождается сопротивлением представителю власти с применением в отношении последнего насилия, опасного для жизни и здоровья, его деяние будет содержать признаки двух составов – ч. 2 ст. 213 и ч. 2 ст. 318 УК РФ и представлять собой идеальную совокупность преступлений [41, с. 253]. Следовательно, за данное деяние лицо будет подлежать повышенной уголовной ответственности за квалифицированное хулиганство (как имеющее в своем составе квалифицирующие признаки), а также дополнительно за применение опасного насилия в отношении власти. Но здесь же явно видно существование недопустимого законом двойного вменения и нарушение принципа справедливости за содеянное (ч. 2 ст. 6 УК). При этом оказание неопасного для жизни или здоровья представителей власти сопротивления со стороны хулигана не признается совокупностью, а, значит, полностью охватывается ч. 2 ст. 213

УК РФ и не требует дополнительной квалификации по совокупности со ст. 318 УК [41, с. 253]. Последнее утверждение вполне законно, логично и справедливо.

И все же высшая судебная инстанция, вопреки здравому смыслу и устоявшимся правилам квалификации преступлений, в п. 9 названного выше постановления утверждает, что при совершении хулиганства, в ходе которого лицо сопротивлялось представителю власти, применяя при этом любое насилие (как опасное, так и неопасное для жизни и здоровья), квалификация деяния осуществляется по совокупности преступлений, то есть в вину лицу вменяются совокупно ч. 2 ст. 213 и ст. 318 УК РФ. Существованием данного положения в Постановлении Пленума вполне объясним тот факт, что теоретики уголовного права используют подобные утверждения на страницах научных трудов [78, с. 254].

В этой связи естественным является тяготение к существованию единых правил и приоритетного действия принципов в уголовном праве (в первую очередь – справедливости). Поэтому представляется необходимым уточнить формулировку п. 9 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ нуждается в уточнении, и, как следствие, изменить подход к квалификации хулиганства, сопряженного с применением насилия в отношении представителя власти.

В этом случае применение насилия в отношении лица, пресекающего хулиганство, со стороны виновного, будет квалифицироваться по совокупности преступлений (кроме ст. 213 УК РФ, также преступления против личности), если кроме основного, пострадал дополнительный объект, а преступление приобрело материальный характер ввиду наступившего вреда здоровью или смерти человека.

Когда же насилие, даже при наличии хулиганских побуждений, применялось в отношении представителя власти, но не выразилось в грубом нарушении общественного порядка и явном неуважении к обществу (например, совершено в квартире виновного, где кроме него и сотрудника полиции никого

не было и ничьи интересы более не пострадали, либо по личным мотивам) преступное хулиганство в таком деянии не усматривается и подлежит квалификации лишь по ст. 318 УК РФ.

Если хулиган наряду с оказываемым представителю власти сопротивлением также оскорбляет его во время совершения своего деяния, то последнее охватывается признаками ч. 2 ст. 213 УК РФ и в дополнительной квалификации по иным статьям УК РФ не нуждается. Единственный случай, когда лицо подлежит уголовной ответственности одновременно по двум статьям УК РФ – ст. 213 и ст. 319, является реальная совокупность названных преступлений [46, с. 52].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на сегодняшний день норма ч. 2 ст. 213 УК РФ в части оказания сопротивления представителю власти, пытающегося пресечь хулиганские действия, является непроработанной, не отвечающей ряду требований юридической техники и в целом основам уголовного права. Это выражается в следующих положениях, сложившихся в результате современной редакции ч. 2 ст. 213 УК РФ: законодательное игнорирование требований о соотношении общей и специальной нормы (ч. 2 ст. 213 и 318 УК); нарушение требований логики построения квалифицированного состава путем объединения в рамках одного квалифицирующего признака категорий соучастия в преступлении (групповое соучастия и организованная группа) и дополнительного посягательства на «специального» потерпевшего (представитель власти, иное лицо, осуществляющее функции по охране порядка или пресекающее нарушение общественного порядка); приравнивание в рамках одной нормы посягательства на представителя власти и иное лицо, с властью не связанное.

В этой связи предлагается новая редакция ч. 2 ст. 213 УК:

«2. То же деяние, связанное с применением насилия в отношении лица, осуществляющего охрану общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка, -
наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, -

наказываются...».

24 ноября 2014г. Федеральным законом №370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в состав хулиганства был введен особо квалифицирующий признак, который выражается в применении хулиганом взрывчатых веществ и взрывных устройств, что влечет наиболее строгую ответственность из всех проявлений хулиганства.

Появление названного признака именно в ч. 3 названного состава преступления не случайно и связано с особенностями изменившихся общественных отношений, которые наблюдаются во всех сферах жизни общества. Но, включая взрывчатые вещества и взрывные устройства в число признаков, отягчающих преступление, законодатель не облегчил работу правоприменителю. Напротив, появилось много вопросов и противоречий, связанных с применением названной нормы. Это, во-первых, связано с тем, что на сегодняшний день отсутствует единство в определении взрывчатого вещества и взрывного устройства. Последнее определяют в качестве военного боеприпаса, который был изготовлен в кустарных условиях. Так, например, В.Н. Кудашов утверждает отсутствие у него криминалистического содержания, относя обозначенные предметы к числу боеприпасов заводского или самодельного изготовления. В подтверждение своих слов исследователь приводит данные социологического опроса, в ходе которого у респондентов (коими выступили эксперты-криминалисты) были выявлены сложности при ответе на вопрос об отличиях мины как боеприпаса от взрывного устройства [72]. Некоторые эксперты вообще не могли дать ответа на данный вопрос. Что уж говорить о сотрудниках судебно-следственных органов, не имеющих специальных познаний?!

Верховный Суд РФ к настоящему времени пока не предложил четких правил отнесения того или иного устройства к взрывным. Между тем, отсутствие четких критериев их разграничения является обстоятельством, препятствующим правильной и точной квалификации деяния. Это свидетельствует о необходимости на уровне высшей судебной инстанции с привлечением специалистов в области баллистики, криминалистов разработать конкретные признаки, позволяющие установить характеристику применяемого вещества или предмета.

Если обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, данным им в другом Постановлении, не затрагивающим вопросы хулиганства – «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. [8], то в его п. 5 содержится совсем иное понимание рассматриваемых категорий. Так, взрывные устройства представляют собой изделия, изготовленные промышленным путем или кустарным способом, которые по своим функциям выполняют роль взрывчатого вещества и приспособлены для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.).

Достаточно однозначна позиция Верховного Суда РФ в отношении имитационного и холостого взрывного устройства, взрывчатого вещества. Сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные и иные патроны, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т.п.) и не предназначенные для поражения цели, высшая судебная инстанция не признает боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами. Как не являются таковыми в понимании Верховного Суда РФ имитационно-пиротехнические и осветительные средства.

Однако приведенное разъяснение в корне противоречит пониманию оружия, содержащемуся в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. №45. В этом постановлении суд (признавая предметами, используемыми в качестве оружия топоры, скалки, сковороды и т.д.) вполне последовательно говорит о том, что любые виды оружия, включая

незаряженное, неисправное, непригодное (включая учебное), декоративное, сувенирное оружие, оружие-игрушка и т.п. признаются все-таки оружием, когда они применяются лицом при совершении хулиганства. Соответственно, грубое нарушение общественного порядка при явном неуважении к обществу с применением любого из перечисленных видов оружия являет собой хулиганство, ответственность за которое наступает по п. «а» ч.1 ст.213 УК РФ.

Также вызывает вопрос п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002г., в котором указывается, что в тех случаях, когда для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, требуются специальные познания, по делу необходимо проведение экспертизы.

Подобная формулировка предполагает, что решение вопроса о необходимости проведения экспертизы решается судом, следователем, дознавателем самостоятельно. А, значит, если названный субъект правоприменения сочтет, что такая необходимость отсутствует, то сможет самостоятельно решить вопрос о рассмотрении вещества или предмета в качестве оружия. Но это представляется недопустимым в силу того, что рассматриваемый вопрос является сложным, узкоспециальным и во всех случаях нуждается в проведении целого комплекса криминалистических экспертиз, что сам следователь или суд сделать не в состоянии. С учетом сказанного представляется необходимым исключить анализируемое разъяснение из постановления Пленума Верховного Суда РФ.

А с учетом того, что вредные (токсичные) отравляющие вещества способны нанести при хулиганстве вред не меньший, а может даже больший, чем взрывчатые вещества, поскольку некоторые из них имеют более широкий радиус поражения, их применение в хулиганстве также необходимо признать в качестве квалифицирующего признака, дополнив ч. 3 ст. 213 УК РФ.

Подводя итог исследованию уголовно-правовых аспектов хулиганства, отметим, что актуальная редакция ст. 213 УК РФ и разъяснений, изложенных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. не является однозначной и не отвечает потребностям общественной практики. Поэтому названные положения необходимо подвергнуть дальнейшему законодательному редактированию. В противном случае противоречия в процессе квалификации хулиганства и возникающие при этом трудности преодолены не будут, что не лучшим образом будет сказываться на расследовании данной категории преступлений и всей уголовно-правовой политики в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию уголовно-правовой характеристики хулиганства, можно сделать ряд выводов и предложений по совершенствованию действующего законодательства. Подход законодателя к развитию уголовно-правовых норм за хулиганство на протяжении исторического пути развития характеризуется непостоянством.

В дореволюционный период нормы о хулиганстве были не систематизированы, объект посягательства четко не определен. Так продолжалось в течение достаточно длительного времени, и лишь во второй половине XX века хулиганские посягательства приобрели современные характеристики: общественный порядок как объект посягательства и мотивы явного неуважения к обществу. В постсоветской России уголовно-правовые нормы о хулиганстве многократно видоизменялись, и сегодня содержат указание на мотивацию, место, способы их совершения, групповой характер, орудия и средства, используемые правонарушителем.

В связи с несовершенством структуры уголовного закона видится необходимым придать нормам о посягательствах на общественный порядок самостоятельное значение. Для этого в рамках раздела IX УК РФ необходимо обозначить отдельную главу, где будут содержаться деяния, отличные от посягательств на общественную безопасность, здоровье населения и нравственность. За образец можно взять структуру Модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ, принятого 17 февраля 1996 г.

В настоящей редакции ст. 213 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за хулиганство, отсутствует целый ряд его общественно опасных проявлений, которые обусловлены развитием науки и созданием в связи с этим новейших способов и средств совершения хулиганств. Поэтому названная редакция статьи нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Своеобразная формулировка диспозиции ст. 213 УК РФ путем перечисления ряда альтернативных признаков хулиганства говорит о том, что

современный законодатель вполне допускает, что хулиганством (в отличие от ранее действовавшего правила) могут быть признаны действия по нарушению общественного порядка, не связанные с применением оружия, не влекущие обязательного причинения вреда личности или обществу, и не обязательно совершенные в общественном месте.

Общественное место применительно к хулиганству представляет собой пространственно определенную территорию, которая расположена в границах государства, муниципалитета или частной собственности и имеет своим назначением общественное пользование. Помимо физически обозримой территории, общественное место в современных условиях составляет и виртуальное пространство. Для определения в деянии признаков хулиганства необходимо установить наличие публичности, что по большей части относится не к месту совершения преступления, а к присутствию в этом месте посторонних лиц, не вовлеченных в конфликт.

В качестве оружия при хулиганстве могут рассматриваться не только непосредственно холодное и огнестрельное оружие, но и любой предмет, который представляет угрозу для потерпевшего, включая бойцовских собак, тяжелые предметы, аэрозоли, петарды и т.д.

Содержание такого понятия как «предметы, используемые в качестве оружия» должно быть уточнено Верховным Судом РФ и расширено за счет отнесения к ним не только предметов материального мира, которыми можно нанести урон здоровью и жизни людей, но и различного вида излучений, акустических систем, ультразвука, инфракрасных и лазерных излучателей и иных вариантов воздействия на человека, а также программных средств обеспечения деятельности широкого спектра приборов, использование которых создает аналогичные угрозы.

Под попыткой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать начальные действия по непосредственному применению данных предметов либо начало осуществления соответствующей угрозы, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное

неуважение к обществу.

Представляется целесообразным понизить возраст уголовной ответственности за хулиганство с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ), поскольку к наступлению 14-летнего возраста подростки способны осознавать, что совершают действия, грубо нарушающие общественный порядок и интересы других лиц, запрещенные как нормами морали, так и закона.

Для соучастия при хулиганстве характерно как соисполнительство, так и распределение ролей. Для их четкого разграничения полагаем необходимым изложить ст. 32 УК РФ в такой редакции: «соучастием в преступлении признаётся умышленное совместное участие двух или более лиц (группа лиц) в совершении умышленного преступления».

Отмечая несостоятельность состава хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти, которая явилась результатом допущенного законодателем нарушения ключевых принципов построения уголовного закона, считаем необходимым предложить новую редакцию ст. 213 УК РФ:

«2. То же деяние, связанное с *применением насилия* в отношении лица, осуществляющего охрану общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка, -

наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо совершенные с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств также вредных (токсичных) отравляющих веществ -

наказываются...».

Необходимо исключить из п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002г. положение, в котором указывается, что решение вопроса о том,

являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило, возлагается на суд, следователя, дознавателя самостоятельно. Установление этого обстоятельства должно осуществляться посредством проведения целого вида криминалистических экспертиз.

С учетом всех предлагаемых изменений, как представляется, будет снят целый ряд вопросов судебно-следственной практики по делам о хулиганстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. : по состоянию на 01.09.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
2. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников СНГ : принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : по состоянию на 01.09.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : по состоянию на 01.09.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
5. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ : по состоянию на 01.09.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ : по состоянию на 01.09.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ : по состоянию на 01.09.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

8. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 - 1952 гг. – Москва, 1953. – С. 25-40.
9. Свод Законов Российской Империи 1832 г. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
10. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1922 года. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
11. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
12. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

Литература

13. Аманмухаммедова Д. Т. Вопросы квалификации преступлений, связанных с хулиганством / Д. Т. Аманмухаммедова // Молодой ученый. – 2012. – № 6. – С. 294-297.
14. Андреева Л. Ответственность за хулиганство / Л. Андреева, Г. Овчинникова // Законность. – 2004. – № 5. – С. 13-17.
15. Анисимова И. А. Вред, причиненный здоровью человека: понятие, виды / И. А. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 113-117.
16. Арутюнов А. Ошибки при квалификации содеянного группой по предварительному сговору / А. Арутюнов // Российская юстиция. – 2001. – № 9. – С.50-55.
17. Арутюнов А. Соучастие создает особые основания уголовной ответственности соучастников / А. Арутюнов // Адвокатская практика. – 2002. – № 5. – С.23-28.

18. Безручко Е. В. Угроза применения насилия или психическое насилие: какой термин предпочтительнее? / Е. В. Безручко // Юристъ - Правоведъ. – 2015. – № 4. – С. 39-42.
19. Вознесенская О. Камень в руке хулигана – не всегда оружие / О. Вознесенская // Российская юстиция. – 2001. – № 6. – С. 22.
20. Волкова Е. А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране / Е. А. Волкова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 387-392.
21. Гаухман Л. Д. Борьба с насильственными посягательствами / Л. Д. Гаухман. – Москва: Юридическая литература, 1969. – 356 с.
22. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Москва: ЮрИнфоР, 2003. – 316 с.
23. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства / Ю. В. Голик // Lex Russica. – 2017. – № 8. – С. 162-168.
24. Григорян К. В. Хулиганство по уголовному праву России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. В. Григорян. – Москва, 2010. – 26 с.
25. Дагель П. С. Субъективная сторона хулиганства / П. С. Дагель // Советская юстиция. – 1968. – № 5. – С. 9-10.
26. Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка / И. Н. Даньшин. – Москва: Юридическая литература, 1973. – 388 с.
27. Денисов Е. Озорники России / Е. Денисов // Коммерсант. – Деньги. – 2006. – № 35. – С. 73-75.
28. Егоров В. С. Квалификация преступлений против общественного порядка: учебное пособие / В. С. Егоров, Н. Г. Кадников. – Москва: ЮИ МВД России, 2000. – 218 с.

29. Есина Л. А. Хулиганство как вид преступления против общественного порядка / Л. А. Есина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Специальный выпуск «Правоведение». – Тольятти, 2008. – № 2 (2). – С. 44-46.

30. Иванов Н. Г. Мотив преступления как генетический признак субъекта / Н. Г. Иванов. – Москва : Инфра-М, 2017. – 108 с.

31. Иванов Н. Г. Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен : монография / Н. Г. Иванов, И. И. Косарев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 119 с.

32. Иванчина С. А. Частичная реализация умысла при оконченном преступлении / С. А. Иванчина // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 269-271.

33. Кадников Н. Г. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок / Н. Г. Кадников // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 3. – С. 78-82.

34. Калмыкова А. Б. Отграничение организованной группы от преступного сообщества / А. Б. Калмыкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 122-126.

35. Кемова Н. Н. Развитие уголовного законодательства России, предусматривающего ответственность за хулиганство: от квалифицированного состава к родовому понятию / Н. Н. Кемова // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 2. – С. 78-83.

36. Кисин А. В. Признаки организованной преступной группы / А. В. Кисин // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – С. 85-88.

37. Козаченко И. Я. Квалификация хулиганства и отграничение его от смежных составов преступлений / И. Я. Козаченко. – Екатеринбург, 1984. – 254 с.

38. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / словоуказатель – Н. В. Колесова / отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2014. – 1120 с.

39. Колунтаева Н. Н. Субъективные признаки преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений / Н. Н. Колунтаева // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4. – С. 92-94.

40. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. – Москва: Юрист, 2007. – 712 с.

41. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин. – Москва: Экзамен, 2007. – 686 с.

42. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1962. – С.350-352.

43. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Н. И. Коржанский. – Москва: Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД СССР, 1981. – С.44-45.

44. Косарев И. И. Ответственность за хулиганство, совершённое в составе группы лиц / И. И. Косарев // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 7. – С. 153-156.

45. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – Москва: Госюриздат, 1960. – 236 с.

46. Кузьмин А. В. Хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка: проблемы законодательной регламентации и квалификации / А. В. Кузьмин, А. В. Точка // Общество и право. – 2013. – № 1. – С. 97-99.

47. Кульпина Ю. Э. Антикультура. Истоки хулиганства в России / Ю. Э. Кульпина // Мир психологии. – 2007. – № 2. – С.248-251.

48. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 624 с.
49. Курс уголовного права. Т. 4 Особенная часть. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 542 с.
50. Лавринцев А. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики современного хулиганства и изменения в законодательстве / А. С. Лавринцев // Молодой ученый. – 2019. – № 4. – С. 305-308.
51. «Лазерные хулиганы» под прицелом. Глаза пилотов хотят защитить от шутников // Известия. – 2018. – 30 августа.
52. Латыпова Э. Ю. Развитие понятия «вина» в российском уголовном праве / Э. Ю. Латыпова // Марийский юридический вестник. – 2007. – № 5. – С. 118.
53. Ляпунов Ю. И. Соотношение хулиганства и преступлений против личности / Ю. И. Ляпунов // Социалистическая законность. – 1980. – № 9. – С.55-58.
54. Магда А. Ю. Проблемы квалификации хулиганства / А. Ю. Магда // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. LIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11(58). – Новосибирск: НГУ, 2017. – С. 568-270.
55. Мубаракшин Р. Г. К вопросу об определении психологического содержания вины / Р. Г. Мубаракшин // Вестник ТИСБИ. – 2005. – № 3. – С. 66-68.
56. Муслимов Р. Р. Проблемы определения объекта хулиганских действий / Р. Р. Муслимов // Молодой ученый. – 2018. – № 36. – С. 30-32.
57. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и доктрин. толкование / А. В. Наумов; под ред. Г. М. Резника. – Москва: Волтерс Клувер, 2005. – С. 548-555.

58. Непринцев А. Камень в руке хулигана – всегда оружие / А. Непринцев // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С.55-56.
59. Оганесян Б. Л. Понятие мотива преступления в теории уголовного права / Б. Л. Оганесян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 6. – С. 153-158.
60. Павлов О. П. Мотив в преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений / О. П. Павлов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2009. – № 2. – С. 383-388.
61. Панин С. Хозяин улиц городских / С. Панин // Родина. – 2002. – № 2. – С. 90-93.
62. Петрянин А. В. Юридическая конструкция статьи 213 УК РФ «хулиганство»: особенности и проблемы правоприменения / А. В. Петрянин // Юридическая техника. – 2015. – № 6. – С. 591-596.
63. По факту причинения травмы вратарю «Динамо» возбуждют уголовное дело. – URL: <http://lenta.ru/news/2012/11/17/case1/> (дата обращения: 02.09.2019)
64. Пономарев С. С. Оценочные признаки хулиганства в уголовном праве / С. С. Пономарев // Молодой ученый. – 2015. – № 20. – С. 376-379.
65. Прозументов М. Л. Общественная опасность деятельности отдельных участников организованных преступных групп / М. Л. Прозументов // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 3. – С. 85-87.
66. Рагулин А. В. К вопросу о содержании понятий «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу» как элементов объективной стороны хулиганства / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 7. – С. 39-42.
67. Рагулин А. В. Ответственность за групповое хулиганство по современному российскому уголовному законодательству / А. В. Рагулин // Право и политика. – 2004. – № 1. – С.12-14.
68. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве: монография / А. И. Рарог; науч. ред. Б. В. Здравомыслов. – Москва: Проспект, 2017. – 204 с.

69. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2001. – С.56-59.
70. Рассказова М. В. Сговор как форма приготовления к преступлению / М. В. Рассказова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – С. 63-66.
71. Смирнов В. А. Цель как признак субъективной стороны преступления / В. А. Смирнов // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 1. – С. 65-68.
72. Соборное уложение от 29 января 1649 г. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.
73. Советское уголовное право. Часть Особенная. – Москва: Изд-во МГУ, 1975. – С. 369-372.
74. Состояние преступности за 2014/2015/2016/2017/2018/2019 годы // – URL: мвд.рф/reports/ (дата обращения: 12.09.2019).
75. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – Москва: Спарк, 2006. – 526 с.
76. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. – Москва: Спарк, 2005. – 581 с.
77. Тяжкова И. А. Какое хулиганство должно признаваться совершенным с применением оружия? / И. А. Тяжкова // Советская юстиция. – 1967. – № 18.
78. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учеб. – 2-е изд., исправ. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Москва : Инфра-М, 2009. – 568 с.
79. Фомин В. В. Что понимать под применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия при совершении хулиганства? / В. В. Фомин // Уголовно-исполнительное право. – 2007. – № 1. – С. 59-62.
80. Фомичева И. Н. Объект хулиганства / И. Н. Фомичева // Юристъ - Правоведъ. – 2010. – № 5. – С. 89-91.

81. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления / Е. А. Фролов // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. – Вып. 10. Свердловск, 1969. – С.88-89.

82. Хут М. А. Об актуальности исследования вопросов уголовно-правовой квалификации хулиганства (ст. 213 УК РФ) / М. А. Хут // Молодой ученый. – 2015. – №9. – С. 899-901.

83. Чугунова А. К вопросу об уголовно-правовом значении мотивации преступного поведения / А. Чугунова, Д. Б. Казанцева, О. В. Безрукова // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2012. – № 45. – С. 45-47.

84. Шинкарук В. Л. Проблемы законодательной регламентации признаков субъективной стороны хулиганства / В. Л. Шинкарук // Legal Concept. – 2016. – №1. – С. 194-195.

Материалы судебной практики

85. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 : по состоянию на 11.06.2019. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

86. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

87. По смыслу закона, предметами, используемыми при хулиганстве в качестве оружия, в соответствии с Уголовным кодексом РФ могут быть любые предметы, в том числе и хозяйственно-бытового назначения, применение которых может причинить телесные повреждения : Постановление Президиума

Верховного Суда РФ № 723п99пр от 14.07.1999. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

88. Соучастники преступления не подлежат уголовной ответственности за эксцесс исполнителя : Постановление Президиума Московского городского суда от 22 ноября 2001 г. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: по подписке.

89. Дело № 22-1753/2011. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда. – URL: https://oblsud--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=561452&delo_id=4&new=0&text_number=1&case_id=18610 (дата обращения: 21.09.2019).

90. Дело № 2-28/2011. Архив Дзержинского районного суда Нижегородской области. - URL: <http://dzerginsky.nnov.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).

91. Дело № 1-88/2018. Архив Димитровского районного суда г. Костромы. - URL: https://dimitrovsky--kst.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2702037&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=1429110 (дата обращения: 21.09.2019).

92. Дело № Приговор № 1-546/2018. Архив Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга. – URL: https://ksl--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=254149213&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 21.09.2019).

93. Дело № 44-г-28/2011 Архив Нижегородского областного суда. – URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005&new=5# (дата обращения: 21.09.2019).

94. Дело № 1-316/2015. Архив Красноармейского районного суда г. Волгограда. – URL: [https://krasn--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005#](https://krasn-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005#) (дата обращения: 21.09.2019).

95. Дело № 1-129/2005. Архив федерального суда общей юрисдикции города Бердска Новосибирской области. – URL: <http://berdsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).

96. Дело № 1-236/2005. Архив федерального суда общей юрисдикции города Бердска Новосибирской области. – URL: <http://berdsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).

97. Дело № 1-459/2003. Архив федерального суда общей юрисдикции Калининского района г.Новосибирска. – URL: https://berdsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения: 21.09.2019).

98. Дело № 1-219/2002. Архив федерального суда общей юрисдикции Карасукского района Новосибирской области. – URL: https://karasuksky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005# (дата обращения: 21.09.2019).

99. Дело № 1-584/2005. Архив федерального суда общей юрисдикции Кировского района г.Новосибирска. – URL: <http://kirovsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).

100. Дело № 1-1086/2005. Архив федерального суда общей юрисдикции Кировского района г.Новосибирска. – URL: <http://kirovsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.09.2019).

101. Дело № 1-142/2018. Архив Черняховского городского суд аКалининградской области. – URL: https://cherniahovsky--kln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=c2eb5b3b-b6f5-465e-8957-958358b9749b&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 21.09.2019).

102. Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда Российской Федерации за первый квартал 2002 года // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2002. – № 9. – С.21.

103. Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда Российской Федерации за первый квартал 2003 года // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2003. – № 11. – С. 22.

104. Обобщение судебной практики по уголовным делам о хулиганстве, а также иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений Пермского краевого суда за 2008 год. – URL: http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=107 (дата обращения: 21.09.2019).